

**Военные
Приключения**

**300
КНИГ**

ОПАСНАЯ ТИШИНА

ВАЛЕРИЙ ПОВОЛЯЕВ

Военные приключения (Вече)

Валерий Поволяев

Опасная тишина

«ВЕЧЕ»

2015

Поволяев В. Д.

Опасная тишина / В. Д. Поволяев — «ВЕЧЕ», 2015 — (Военные приключения (Вече))

ISBN 978-5-4444-8601-6

На границе нет покоя и в мирное время, на огромной линии, растянутой на многие тысячи километров, война идет даже в пору, когда над всем миром царит тишина, – граница никогда не бывает незакрытой, дырявой, ее всегда защищают, а раз это так, то тут всегда звучат выстрелы. Люди границы – начальник комендатуры Мягков, командир заставы Емельянов, проводник служебной собаки Кацуба и их соратники всегда находятся начеку, в любое мгновение они готовы встать на пути тех, кто пытается взорвать спокойную жизнь нашего Отечества. Новая книга признанного мастера остросюжетной литературы является юбилейной, трехсотой, в серии «Военные приключения».

ISBN 978-5-4444-8601-6

© Поволяев В. Д., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

От автора	6
Книга первая. Крест, нарисованный мелом	7
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Валерий Поволяев

Опасная Тишина

© Поволяев В.Д., 2015

© ООО «Издательство «Вече», 2015

* * *

От автора

Двадцатые – тридцатые годы прошлого века. Молодая самостоятельная Россия, народы, республики, земли, сгрудившиеся около нее, срастающиеся в один кулак, чтобы быть сильными, независимыми, непобедимыми – вот-вот будет создано государство, которое назовут Советским Союзом.

Еще не выветрился из воздуха запах Гражданской войны, еще тревожно на душе и пахнет порохом, но выстрелов уже не слышно. Война кончилась.

А вот на границе война продолжается, на огромной линии, растянутой на многие тысячи километров, война идет даже в пору, когда над всем миром царит тишина – граница никогда не бывает незакрытой, дырявой, ее всегда защищают, а раз это так, то тут всегда звучат выстрелы. Люди границы всегда находятся начеку, поскольку для них небоевых будней не бывает – только боевые. А небоевые... Наверное, лишь в краткосрочном отпуске, полученном по ранению.

Через книгу эту – через все страницы, насквозь, – проходит одна тема (хотя сюжеты ее разные): жизнь пограничников, поведение их в экстремальных условиях, в которые часто приходится попадать, тема эта объединяет всех героев без исключения... Героев, зачастую не знакомых между собой, но ощущающих локоть друг друга, знающих, что в тяжелую минуту придет поддержка. Не придет она только в том случае, когда никого из пограничников уже не останется в живых.

Но на место погибших встанут новые люди... И это знали все: и друзья и враги.
Знали раньше, знают и сейчас.

Книга первая. Крест, нарисованный мелом

Городок этот считался рядовым среди других южных городов – ни большим, ни маленьким, ни чистым, ни грязным, половина домов была обмазана глиной и побелена известкой, каждая усадьба имела свой забор, во все заборы были врезаны ворота.

Поскольку рядом находилась граница, то народ здесь жил настороженный, глазастый, привыкший все засекать и на каждую мелочь обращать внимание – знали люди, что от мелочей многое зависит, иногда даже собственная жизнь. А жизнь, как известно, дается человеку один раз.

С серебристых пирамидальных тополей здесь в любое время года, в том числе и зимой, летел мягкий, почти птичий пух, очень ласковый, невесомо прилипал к коже, к рукам и щекам, он словно бы ставил свою печать на людях, отмечал их.

На центральной площади городка находился дом, от фундамента до крыши окрашенный в защитный военный цвет, – начальник пограничной комендатуры не пожалел на это трофейной немецкой краски, привезенной с Украины еще в двадцатом году и с той поры бережно хранимой его хозяйственником.

Когда Мягков решил пустить краску в дело, хозяйственник долго хныкал, сопротивлялся, не хотел отдавать краску, но в конце концов комендант сломил его. Хозяйственник, едва не всхлипывая от досады, сдался.

Мягков знал, что делал – он имел точные сведения, что скоро в городок переместится штаб пограничного отряда, а отряд – это, как известно, целый полк, и полк в таких городках, как их, – и царь, и бог, и папа родной...

Штаб отряда переехал в городок в самый жаркий летний месяц – июль, когда на огородах уже созревали сладкие пахучие дыни, а в местных озерах начали клевать жирные – сало капало и с хвостов и с носов, – карпы.

И хотя в штабе народа было не так уж и много, – народ в основном находился на границе, нес службу, – в городе сделалось заметно оживленнее, местные красавицы старались почаще попадаться на глаза подтянутым молодым командирам, служившим в штабе, – а вдруг кто-нибудь из них обратит внимание и посватается?

Такое тоже могло быть.

Жара тем временем установилась лютая – носа на улицу нельзя было показать, нос незамедлительно превращался в обугленную морковку, – давно такой жары не было. Даже старики, у которых в костях поселился холод и ничем его нельзя уже было выкурить, жаловались, удрученно трясая бородами:

– Ну и печет! Как в паровозной топке. Спасу нетути...

Действительно, от жары спасения не было.

На воскресенье Мягков пригласил начальника отряда Ломакина на рыбалку: неплохо было бы полакомиться карасиками и карпом, – пора наступила, хотя Ломакин, задумчиво пошевелив усами и покашляв в кулак, засомневался:

– А будет рыба в такую жару клевать? Подметки у сапог плавятся, когда ступаешь по земле, из-под ног даже дым идет...

– Будет клевать, даю слово, – пообещал Мягков. – Гарантирую.

Он знал, что говорил.

Наживку Мягков приготовил диковинную – впрочем, в его рыбацкой практике бывало и не такое, он ловил карпов даже на голые ржавые гвозди и кусочки резины, отрезанные от старых галош, на пустую льняную леску, увенчанную криво затянутым узлом, и деревяшку, привязанную к тройной нитке, какой бойцы пришивают пуговицы к своим шинелям.

Не иначе как комендант знал некие завораживающие слова, которые притягивали к нему рыбу.

Впрочем, в этот раз Мягков решил не экспериментировать и приготовил наживку проверенную – повар дал ему комок теста, комендант смочил его керосином, – немного смочил, только для духа, не для вкуса, основательно размял пальцами, чтобы жидкость проникла внутрь, и, довольный собою, завернул наживку в свежую екатеринодарскую газету.

В следующий миг не удержался, отогнул край газеты, понюхал «изделие». Расплылся от удовольствия, черные калмыцкие глаза его сделались крохотными, как у китайчонка, счастливыми, и сам Мягков – человек, в общем-то, грозный, известный своей лихостью, награжденный в Гражданскую войну орденом Красного Знамени, на несколько мгновений тоже превратился в счастливого бесшабашного китайчонка, забывшего про разные беды и заботы, которых у всякого живущего на этой земле человека набирается больше дозволенного – с избытком.

Правильно он поступил, приготовив проверенную наживку, – Ломакин хоть и рыбак, но Мягкову неведомо, какой он рыбак, хороший или плохой? А на этой рыбалке Ломакин должен отличиться, поймать пяток крупных рыбех, чтобы накормить штаб и поддержать свой авторитет командира-добытчика.

Задача сложная, но выполнимая.

Мягков вновь понюхал газетный сверток, восторженно помотал головой: это же диво дивное, а не запах, чудо чудное, красота расписная, песня песенная.

Имелись у Мягкова и редкостные крючки – английские, с заостренными бородками, с которых не соскочит ни одна, даже самая зубастая рыба, – целых двенадцать штук. Дорогую дюжину эту Мягков выменял два года назад у заезжего барыги на пять метров сатина. М-м-м, что за материал был тот сатинчик – описать словами невозможно.

Произведен материал был в Австрии, Мягков хоть и берег его, но не пожалел и с легкой душой отдал за черные остробородые крючки.

Повздыхав немного, Мягков отложил два крючка в сторону, зацепил их за небольшой кусок толстой, схожей с пробкой коры, остальные десять – остался ровно десяток! – завернул в мягкую тряпицу и спрятал.

Это был его стратегический запас. А два крючка придется потратить на начальника отряда – нельзя допустить, чтобы тот разочаровался в местной рыбалке.

Озер, богатых карасями и карпами, было три, причем в одном из них, самом дальнем, караси попадались крупнее карпов, – отдельные экземпляры достигали трех килограммов веса.

Когда такого карася Мягков вытаскивал из воды, тот не то чтобы сопротивляться, – даже шевелиться не хотел, так был жирен и ленив.

На рыбалку вместе с Ломакиным и Мягковым увязался еще один любитель – комиссар Ярмолик, человек в отряде новый, подвижный, тощий, похожий то ли на цыгана, то ли на индейца, с длинными черными космами, вольно выпрастывающимися из-под околыша форменной фуражки.

Комиссар был веселым человеком – всю дорогу балагурил, не давая говорить своим спутникам, подкидывал на плече удочку, будто винтовку, сам иногда подпрыгивал, споткнувшись о какую-нибудь кочку, голос у него был трубным, слышным издали. Когда Ярмолик рассуждал на какую-нибудь политическую тему, то даже птицы умолкали, – и совсем не потому, что хотели послушать умную речь, – птахи понимали, что перекричать комиссара невозможно.

– Слушай, комиссар, я понимаю, ты – мастак выступать перед публикой, но иногда все-таки освобождай трибуну и давай возможность выступить другим, – недовольно заметил Ломакин и так же, как и Ярмолик, подкинул удочку на плече – движение это для него было привычным.

– На какой трибуне? – не поняв ничего, вскинулся комиссар, лицо его посветлело, на правой скуле проступили черные поры – след порохового ожога. – Где трибуна?

А выступать с трибуны он любил – за уши от стакана с приятным кислым морсом, который в отряде обязательно ставили перед каждым выступающим, не оттянешь.

– Застегни рот на четыре пуговицы, как штаны свои, и помолчи, – Ломакин не выдержал, повысил голос.

Комиссар замолчал. Он так и не понял, что произошло. Сделалось слышно пение птиц.

До первого озера дошли молча – ни Ломакин ни одного слова не произнес, ни Ярмолик, нисколько не обидевшийся на резкое замечание начальника отряда, ни Мягков.

Озеро было окружено зарослями высокой лезвистой куги, казалось, в этой сплошной шелестящей стенке прохода нет и к воде не подойти. Ломакин недоуменно посмотрел на Мягкова, но тот знал, куда вел людей. Знал и два прохода к темной стоячей воде, которые прорубил сам, и каждый раз, появляясь тут, обновлял их. Сквозь темную воду было хорошо видно дно.

По дну ползали какие-то серые неторопливые существа, этакие гигантские бактерии, явно неземные. Ломакин пригляделся повнимательнее: мам-ма мия – раки!

В раках он знал толк, знал, как из них варить суп простой и суп молочный, и умел преподносить это дело так, что любители отведать редкое блюдо начинали облизываться еще до того, как он ставил кастрюлю на керосинку.

– Раки... – проговорил Ломакин неверяще.

– Раки, Иван Христофорович, – подтвердил будничным тоном Мягков, раков он не любил по одной причине – слишком уж много они употребляют разной дохлятины, на одну ободранную кошку можно поймать сотню клешнястых, – но выступать не стал: раз начальник любит раков, перечить ему не следует.

– Как бы их нам наловить, а, комендант?

– Да они на крючок будут цепляться так же часто, как и рыба, останется только снимать их, да совать в мешок с мокрой крапивой.

В таких крапивных мешках хорошо сохраняются не только раки, но и рыба, живут долго, уже дома, опущенные в таз с водой, начинают шуметь, хрустят костяшками, угрожающе вращают глазами, караси и карпы высовывают головы из таза, плюются друг в дружку.

И так плюются до тех пор, пока не оказываются в кастрюле, заправленной луком, лавровым листом, метелками укропа и помидорами. Уха с помидорами – это по-ростовски. А Мягков был ростовским человеком и хорошо знал, чем Ростов-папа отличается от Одессы-мамы... А отличается, в частности, рецептами ухи.

Действительно, раки на английские крючки насаживались так же часто, как и караси. А вот карпы почти не клевали – тут у Мягкова промашечка вышла, то ли он чего-то не рассчитал, то ли в природе что-то сдвинулось, – не желал карп насаживаться на запашистый хлеб – и все тут.

Но Ломакин был доволен – все-таки он умудрился вытащить одного карася-гиганта – лупоглазого, яркого и очень тяжелого, будто отлитого из красной меди, недоуменно вытаращившегося на рыбака. Мягков поспешно вытащил из мешка небольшой безмен, который специально держал для этих надобностей, и поддел добычу крючком под жабры: на сколько тянет гражданин?

А «гражданин» тянул на два килограмма, четыреста граммов. До чемпионов из третьего, самого дальнего озера, пока не дотягивал, но все равно был хорош и увесист.

И раков понахватали, – словно бы по индивидуальной заявке Ломакина, – в этот раз они цеплялись чаще обычного. Меньше всех улов был у Ярмолика, но комиссар не роптал, остался доволен тем, что добыл. Хлопнул ладонью о ладонь, потер ожесточенно:

– Ох, и похлебаем сегодня ушицы, м-м-м!

– Ты только дырку в ладонях себе не протри, – строго предупредил комиссара Ломакин. – Не то ручка будет в щель проваливаться, чернила проливаться, как тогда со своими бумажками станешь управляться?

Народ в городке обитал небедный – кормило недалекое море, кормили лиманы, они тоже находились недалеко, – и осетрина у людей водилась, и икра черная разных выделок и рецептов, пробойная, малосолка, отжимная, паюсная, давленная, спрессованная в аппетитные лаково-черные брикеты; и вяленой, истекающей янтарным соком чехонью можно было полакомиться, а такая рыба, как жирный лиманный судак, либо морская кефаль с красной султанкой вообще не переводились на столах... Толк в рыбе здесь знали, за счет рыбы здесь жили.

Ловить осетра и севрюгу, добывать икру никому не возбранялось, никаких запретов или бумаг, пресекающих браконьерство, не существовало, даже слово такое, как «браконьерство» тогда еще не было изобретено.

А караси с карпами, обитатели мутных водоемов, эти вообще считались сорной рыбой, есть их здешний люд просто брезговал, недовольно морщил носы:

– Это все равно что тины наглотаться. Или лягушачьей икры... Тьфу!

Так что походы Мягкова на озера были конечно же баловством, и местные любители рыбы относились к ним как к баловству, шурились снисходительно:

– Ну-ну!

Так что в этот раз Мягков неожиданно начал подумывать о рыбалке, оставшейся за спиной, как о мероприятии не самом удачном: а вдруг командиры, которых он хотел порадовать свежей рыбой и жирной карасиной ухой, отнесутся ко всему без особого восторга? Ну, действительно, какой может быть восторг, когда в домах, где они поселились, у хозяев и осетрина водится в избытке, и икра, и уха, ежели понадобится, они могут приготовить из нежной стерлядки, а не из пахнущих болотом и прелой землей карасей.

Но тем не менее ухой штабные командиры остались довольны, не отворачивали носы в сторону, не морщились, а требовали добавки. Значит, понравилась еда, несмотря на наличие в городке осетрины и икры.

Летние ночи на юге бывают короткими, наполненными острым, режущим слух треском цикад, пронзительным звоном древесных лягушек, сверчков, кузнечиков и прочих певунов, но, несмотря на свою силу и громкость, многослойное пение это рождает в душе ощущение тревоги, чего-то смутного, враждебного...

Легче ночи делались, когда на небе начинала сиять луна – даже половинчатая, обкусанная, ущербная, – свет ее все равно помогал человеку дышать, раздвигал душное черное пространство, изгонял из души беспокойство.

Месяц нарождался недавно, посвечивал пока скудно, задумчиво, он неторопливо двигался по небесному своду и набирал силы.

Мягков размеренным усталым шагом подходил к своему дому, подбивал мысленно итоги тому, что было сегодня перелопачено, сделано, – вздыхал, поскольку в перечне дел было всякое. И хорошее было, и плохое. В число приятных дел он включил, само собою разумеется, рыбалку, неприятные дела были тоже – отчего-то захромал любимый конь коменданта Орлик, и его пришлось передать в руки лошадиного врачевателя Пинчука, тот, разбойно посверкивая глазами, покачал головой, затем осуждающе покосился на коменданта.

– Чего так, Пинчук? – засек его колющий взгляд Мягков, – Такое впечатление, что ты меня хочешь схарчить. Ну, будто ты уже сварил меня, подрумянил на сковородке, вывалил в тарелку, намазал горчицей и сейчас откроешь рот...

– Орлика надо перековать, – скрипучим голосом произнес Пинчук, он всегда говорил скрипуче, будто выпил чая с канифолью; если надо было причинить боль животному, голос

у него делался таким, что у тех, кто слышал его, невольно начинали чесаться зубы. – У коня под подковой – нарыв.

Коменданту пришлось пересесть на запасного коня, ленивого неповоротливого Гнедка, других свободных коней не было, – и Мягков сурово потыкал лекаря рукояткой плетки в грудь:

– Постарайся как можно скорее поставить Орлика в строй.

Пинчук проскрипел что-то невнятное под нос и отвернулся от коменданта. Во всех лошадиных бедах и болях он считал виноватыми людей.

В общем, в памяти у коменданта возник лошадиный «фершал», он поморщился и в следующий миг, внезапно остановившись, ухватился рукой за кобуру нагана.

На воротах дома, где он жил, отчетливо белел крест, нарисованный мелом, посвечивал недобро в слабых лучах месяца. Утром на воротах никакого креста не было. В горле у Мягкова возник твердый комок, он проглотил его.

Интересно, кто же изобразил этот меловой крест? Кто-то из местных детишек, самозабвенно игравших в белых и красных и пятнавших своими метками камни, стенки домов, заборы, калитки, ворота, или кто-то еще?

Скорее всего, кто-то еще: крест был поставлен на высоте взрослого человека, не любящего нагибаться, всякому малолетке надо было вообще залезть на спину другому, чтобы начертать крест на таком уровне. Мягков поводил головой из стороны в сторону и расстегнул на гимнастерке две верхние пуговицы: ночь была жаркая, от земли, будто от печки, исходило влажное горячее тепло, рождало на лице пот.

Ну и зачем, спрашивается, взрослым играть в детские игры, рисовать крестики-нолики? Может, они еще и по губам скребут пальцами, рождая незатейливые мелодии? Тьфу!

Он подошел ближе к воротам, пальцем мазнул по кресту. Мел был прочный, не стерся, – похоже, портновский, таким мелом во время раскроя метят ткани, очерчивают детали, определяют границы кроя. Мягков покачал головой озадаченно.

– Интересный крестик, однако, – негромко молвил комендант. – И что же он означает, а? Загадка. Загадку эту предстояло разгадать.

Он глянул в одну сторону улицы, в другую – никого. Только керосиновые лампы призывно светят в окошках домов, приглашают заглянуть на огонек.

Поразмыслив немного, Мягков так и не пришел ни к какому выводу, продвинулся по улице дальше и через два дома также увидел меченые ворота.

На этих воротах стоял не один крест, а два.

– Интересно, почему тут два креста, а не один? – спросил Мягков самого себя. – Простое удвоение по законам арифметики? А зачем?

И на это не было ответа. Мягков двинулся по улице дальше. Через несколько домов он увидел еще одни меченные меловыми крестами ворота. Крестов, как и в предыдущем разе, было два.

– Однако, – молвил Мягков и усмехнулся недобро – кресты ему не нравились.

Интересно, почему на его воротах стоит один крест, а на этих два? И на тех, которые он уже миновал, тоже два креста? Что бы это значило?

Кое-какие соображения в голове Мягкова крутились, но это были всего лишь соображения, не более того, их надо было проверять.

Улицы у этого южного казачьего городка были длинные, видать, специально так спланированные, чтобы можно было дать намет коню, разогнать его быстрее ветра. Мягков огляделся и двинулся дальше, к следующим воротам.

Следующие ворота были чистые, ни одной меловой отметины, и еще двое ворот, расположенные по улице дальше, тоже были чистые, а вот на четвертых воротах также стояли меловые отметины. Целых три.

Все отметины, все кресты, судя по высоте, были нарисованы взрослым человеком. Взрослым. Тут Мягков и понял, что означали меловые кресты.

В этом вот доме, последнем, – широком, вольно сидевшем на земле, побеленном известкой, жил председатель ревкома – голосистый мужик, любитель украинских песен, приехавший сюда из Питера, жил он один, поскольку жена его скончалась от холеры – подцепила проклятую хворь где-то в местном болоте, куда ходила за травой для матрасов, и занемогла. Чтобы питерца окончательно не добила тоска, Мягков подселил к нему двух молодых командиров из штаба отряда: все веселее будет жить одинокому человеку.

Теперь на воротах дома председателя ревкома стояло три креста, что означало – здесь жили три представителя советской власти: один – председатель ревкома их тихого городка и двое – пограничные командиры.

Выматерившись, Мягков круто развернулся, сплюнул себе под ноги и двинулся по улице назад. Вот ворота, помеченные двумя крестами. Здесь живут местные чекисты, два человека, оба с женами и детишками. В одной семье двое детей – мальчик и девочка, в другой трое – все мальчишки. Растут пареньки бодрые, крепкие, хулиганистые – отец с трудом справляется с ними.

В правой половине дома горел свет – слабенькая семилинейная лампа. В стране, еще не оправившейся от Гражданской войны, было мало керосина, его экономили, и не только керосин берегли; было мало всего – не хватало ни дров, ни лекарств, ни мяса, ни рыбы...

Это в их городке водилась рыба, причем такая деликатесная, как осетрина, – все давало море, а в других местах, севернее, от рыбы можно было отыскать разве что только высушенные до провололочной твердости глаза – сама рыба была съедена еще до Гражданской войны.

Но ничего, придет время, и тусклые лампы-семилинейки будут заменены десятилинейками, потом двенадцатилинейками, а затем под потолками здешних хат вообще заколыхаются лампочки электрические. В чем в чем, а в этом комендант Мягков был уверен твердо.

Следующие ворота, также помеченные двумя меловыми крестами, стояли перед домом, где обитали две семьи, одна – заместителя Мягкова по «революционно-политическому направлению», как выражался сам комендант, и это определение в комендатуре прижилось, к заму по «революции» Мягков подселил комиссара погранотряда Ярмолика... Родственные души, работающие в одном направлении, всегда найдут общий язык.

Тут Мягков не выдержал и едва ли не бегом понесся к дому, который занимала комендатура.

– Тревога! – выкрикнул он дежурному, сидевшему у лампы с амбарной книгой – отмечал донесения, приходившие с застав. – Поднять всех, кто не находится в наряде!

Через несколько мгновений дом, который занимала комендатура, засодрогался от топота многих ног.

Приморская комендатура эта была большая, в одном доме места ей не хватало, на территории, обнесенной забором, украшенной высокой деревянной вышкой, находились еще два жилых дощаника для бойцов, утоптанная площадка, на которой производили общие построения, два погреба для хранения патронов и гранат, а также отдельный, хорошо укрепленный сарай, куда запирали нарушителей.

В тяжелом темном воздухе висел сладковатый запах цветущих акаций – в этом году они зацвели, как ни странно, позже обычного. Мягков поднял голову, взгляделся в глубокое, покрытое блескучей звездной россыпью небо, втянул в ноздри акациевый дух – хорошо было! И еще лучше было бы, если б перевелись люди, желающие худа друг другу.

Поднятые по тревоге бойцы выстроились на площадке. Лица были видны слабо, но все равно Мягков различал их, почти всех он знал по фамилиям, знал биографии, знал, откуда они приехали, кто их родители, кем собираются стать в будущем. Мягков знал то, что было положено знать командиру.

Дежурный принес несколько ведер с водой, в которых плавали тряпки. Мягков прошелся вдоль строя и проговорил негромко:

– Бойцы! Неизвестные люди поместили меловыми крестами ворота домов, где живут пограничные командиры. И не только они, замечу...

Сделалось тихо. Так тихо, что казалось – режущий звук древесных сверчков исчез совсем. Не стало его.

– Думаю, что рисовальщики эти действовали совсем не в интересах нашей пролетарской революции... Все кресты с помеченных ворот надо срочно убрать. Кто знает, может быть, утром по этим дворам пойдут бандиты с винтовками. Остановить их мы, конечно, сумеем, и уничтожить сумеем, но кресты нужно стереть. Ясно, бойцы?

Все было ясно. Без всяких лишних слов и пояснений.

Через несколько минут бойцы комендатуры растворились в ночи, горячий вязкий воздух словно бы втянул их в свою плоть, сделал невидимыми.

«Только бы они не проглядели чего-нибудь, все рассмотрели в ночи, все кресты, – возникла в голове Мягкова тревожная мысль, возникла и спустя пару мгновений исчезла. – Надо же, вздумали, чем ворота помечать – крестами... Не бояться, сволочи, Бога. Ведь каждый крест, нарисованный мелом, – это погубленная душа», – Мягков был человеком верующим, но никому не говорил об этом.

Через час не осталось ни одного мелового креста, нарисованного на воротах. Бойцы комендатуры – ребята глазастые, комсомольцы, все разглядели и стерли все, – сделали это тихо, без суеты и ненужных возгласов – ну будто бы вышли в пограничный дозор и успешно выполнили боевую задачу.

Мягков не поленился, проверил работу – прошелся по нескольким улицам, не отыскал ни одного нестертого креста, – похвалил бойцов и отправил их спать. Дежурному на всякий случай приказал усилить на два человека наряд, охранявший помещения комендатуры, и выставить в окно пулемет «максим» с заправленной лентой.

Добравшись наконец до дома, он поспешно разделся, забрался в постель. Думал, что сразу же уснет, – очень уж устал, – но уснуть долго не мог: перед глазами продолжали маячить меловые кресты, мерцали в темноте недобро, будто некие фосфоресцирующие кости, вытасченные из могилы. Повздыхав немного, Мягков не выдержал и поднялся.

Подушка соскочила следом за ним на пол, Мягков, кряхтя и морщась от того, что ломило натруженные мышцы, водрузил ее на место, прикрыл наган, лежавший на матрасе, – обычно наган давил ему снизу на ухо, комендант чувствовал его даже через толстую подушку, набитую куриным пером... Солидный был кусок металла, дерево наган пробивал насквозь, доску в три пальца легко превращал в щепки.

Второй наган Мягков обычно пристраивал на краю высокой печи – мало ли что, вдруг его придут убивать? А у пограничника Мягкова в этом городке враги имелись. В основном из тех, кому он не давал разбойничать ни на берегу, ни в море.

Держась одной рукой за спину, другой комендант открыл запертый на ключ висячий шкафчик, распахнул дверцу. В углу, прикрытый папкой, стоял графин с белесой, похожей на отжим от творога жидкостью. Это была самогонка.

Комендант держал графин на всякий случай – вдруг зимой провалится в карповое озеро или угодит в морскую купель, тогда самогонкой и растереться можно будет, и внутрь принять, и соседа по несчастью, если таковой окажется, обработать. Универсальный продукт, в общем, самогонка эта...

И в ситуации, когда не спится, а перед глазами мельтешат расплывающиеся меловые кресты, пара мензурок самогонки тоже не помешает, приведет в норму. У Мягкова для этого нужного дела имелось несколько разлинованных лесенкой фельдшерских шкаликов, – на целую компанию, – он наполнил пару стекляшек, стукнул одним шкаликом о другой, чокнулся, зна-

чит, – выпил дуплетом. Самогонка была крепкая, его нынешнего коня по имени Гнедок могла запросто сбить с копыт. Она подействовала – через несколько минут Мягков провалился в тревожный, какой-то призрачный зыбкий сон.

Личная жизнь у орденосца Василия Мягкова не складывалась: первую невесту свою, санитарку Настю, он потерял на фронте, когда воевал с денкидцами, произошло это под Новороссийском, – с обозом раненых она угодила в плен и была расстреляна белыми.

После ее гибели Мягков сошелся с привлекательной фигуристой девушкой Тоней Сандаловой из агитотдела штаба дивизии. Думал, что протянет с ней до старости, сгородит двух детишек, а потом увидит и внуков, но и с Тоней ему не повезло – Тоня погибла от случайной пули, выпущенной одним ополоумевшим белым офицером.

Пуля лишь коснулась ее шеи и посвистела дальше, но этого касания было достаточно, чтобы у девушки оказалась перебита сонная артерия: раскаленный свинец разорвал ее пополам.

Спасти Тоню не удалось.

В гибели Тони Сандаловой Мягков увидел недобрый знак. Больше он не делал попыток отыскать среди «прекрасных мира сего» одну-единственную, надежную, преданную, которая станет его спутницей до конца жизни. Хотя кто знает: время ведь такая штука – и лечит оно и калечит. Но прошла пара лет, и он понял: нельзя так, не годится человеку быть одному. Пути жизни неисповедимы – жизнь есть жизнь.

Из родных у Мягкова тоже никого не осталось – всех выбили последние три войны, японская, германская и Гражданская. Тех, кого не выбили пули, подобрали болезни – тиф, брюшной и сыпной, холера, разные простуды.

Ладно, хватит ковыряться в своем прошлом... Мягков протестующее покачал головой, во рту у него сделалось горько: это как так хватит? Он чего, Иван, не помнящий родства?

Нет, родство свое он помнит, и будет помнить всегда. Как и места, где обитали его родичи и жил он сам.

Раньше Кубанская область, граничавшая на севере с областью Войска Донского, а с востока со Ставропольской губернией и Терской областью, делилась на районы по полковому признаку. Если в других губерниях и областях, не имеющих отношения к казакам, деление шло на уезды, то в Кубанской области – на полковые отделы и округа.

Кавказский отдел, Екатеринодарский, Темрюкский, Майкопский и Лабинский отделы, Полтавский полковой округ, Уманский, Таманский, Хоперский, Кайский полковые округа...

Старое административное деление перепуталось, переплелось с новым, одни мыслили по-старому, другие по-новому, третьи – никак. Мягков невольно усмехнулся: чека мыслит по-новому, ревком – как придется, командиры полков, набранные из многоопытных царских офицеров, – по-старому.

У нынешней власти еще руки не дошли до административного деления. Как и до переименований... Ну что означает такое имя – Екатеринодар, главный город Кубанской области, названный так в честь императрицы Катки, Екатерины Второй?.. А революция, как известно, ни цариц, ни царей не признает, она их отменила – ненужный это класс, лишний.

Значит, старому Екатеринодару надо давать новое имя.

Утром, едва Мягков появился в комендатуре, со скамейки в дежурном помещении поднялась девушка в красной косынке и котях – самодельных тапочках из брезента, – надетых на босую ногу.

На старенькой полосатой блузке поблескивал алой эмалью кимовский значок.

– Это к вам, товарищ командир, – дежурный, выскочивший из-за стола, лихо, с отяжечкой, козырнул.

Мягков стянул с коротко остриженной темной головы фуражку, вытер влажное нутро платком.

– Вчера вечером, на базаре, перед самым закрытием, я слышала очень неприятный разговор, товарищ начальник, – сказала девушка.

– Что за разговор?

– Два подвыпивших мужика хвастались друг перед другом: скоро советская власть будет свергнута не только в нашем городе, но и на всей Тамани.

– На всей Тамани? Даже так? – Мягков мигом вспомнил меловые кресты, нарисованные на воротах.

– Да, на всей Тамани, – подтвердила девушка. – И еще хвастались они, что тогда и берег и море будут принадлежать им.

– Узнать этих людей сможете?

– Если увижу – смогу. Только они не нашенские, не городские, я их в первый раз видела.

– Понятно. А внешность их запомнили?

– Конечно, – уверенно произнесла девушка.

– Молодец! Это уже что-то. Как тебя величают? – на «ты», потеплевшим голосом поинтересовался Мягков.

– Даша. Даша Самойленко я.

– Молодец, Даша Самойленко, – похвалил девушку комендант, потом ухватил пальцами ее руку, благодарно потряс. – Пошли в кабинет, там обрисуешь внешность этих деятелей письменно. Справишься?

– А отчего, собственно, не справиться? Конечно, справлюсь.

– О чем еще талдычили эти контрреволюционно настроенные мужички?

– Говорили, что город украсят виселицами. На каждой виселице будут болтаться по два большевика: один с одного края, второй – с другого.

– Грозные господа, однако, – хмыкнул Мягков, покачал головой, – только сомневаюсь я, что они найдут виселицы на всех большевиков.

Сигнал, который принесла девушка с кимовским значком на блузке, был нехороший – явно где-то что-то затевалось, кому-то очень захотелось пострелять, и сигнал этот, как чувствовал Мягков, явно смыкался с меловыми крестами.

Надо было искать концы: откуда конкретно исходит опасность? Было над чем поломать голову.

Для начала обо всем увиденном и услышанном Мягков доложил Ломакину, тот привычно пошевелил усами и хряснул кулаком о кулак.

– Вот гады! – выдохнул из себя со сдавленным сипением. – Крови нашей, значит, захотели? Л-ладно, – он расправил одну ладонь и также хряснул по ней кулаком. – Поднимай-ка, Мягков, чекистов, это больше по их части, чем по нашей. И давай в десять ноль-ноль проведем совещание, подумаем, что нам делать дальше.

Совещание было немногочисленным: один человек от ревкома, – прибыл сам руководитель организации Журба, двое – из чека и трое пограничников – Ломакин, комиссар Ярмолик и комендант Мягков.

На совещании Ярмолик поднял Мягова на смех, даже расхохотался заразительно, смех его был звучным, как у актера, слышен далеко, комиссар взмахивал одной рукой, словно бы воздух раздвигал, освобождал пространство для собственной точки зрения.

– У страха глаза велики, Мягков, – выплеснул он из себя вместе со смехом, – почудилось тебе... Гражданская война уже прошла и никогда в эти края не вернется. Ни белых, ни красных нет... Увы!

Комендант сжал зубы, на щеках его вздулись желваки. Яρμοлика остановил один из чекистов, старший, – забавный дядька в соломенной шляпе и вышитой украинской рубахе навыпуск. Глядя на него, ни за что не подумаешь, что дядька этот, больше похожий на сельского попика, чем на чекиста, работает в столь грозной организации.

С другой стороны, у него все было продумано, даже в незаурядной внешности. Под длинной рубахой, например, было удобно прятать не только пистолет, но и гранаты. И никто ничего не увидит, не засечет.

– Не так страшен черт, как его малюют, – продолжил свое выступление Яρμοлик, в голосе его зазвучали воодушевленные нотки, он азартно вскинул голову, намереваясь своим красноречием заразить, увлечь других, но чекист прервал его:

– Страшен черт, еще как страшен...

Комиссар словно бы на препятствие налетел, хлопнул ртом, захватывая воздух и умолк. Чекистов он боялся.

– Я тоже считаю, что черт страшен, – поддержал чекиста Журба, – это дело трэба расследовать со всей серьезностью.

– Времени у нас – с гулькин нос, а для серьезного расследования требуется время, – по лицу чекиста проскользила досада, он поскреб пальцем висок. – События могут развиваться стремительно – вдруг сегодня ночью в городе произойдет контрреволюционное выступление?

– Все может быть, – резонно произнес начальник пограничного отряда.

– Прошляпили мы, – чекист сморщился, – виноваты...

– Как бы там ни было, разгрести грязное белье придется.

– И чем быстрее – тем лучше. Напрасно товарищ Яρμοлик так легкомысленно относится к крестам на воротах.

– А ему чего? – Ломакин развернулся всем своим грузным телом к комиссару, стул под ним заскрипел жалобно, – В бой не идти, из винтовки не палить. Он будет стоять сзади наступающей цепи и вдохновлять бойцов пламенным словом. Потом застегнет рот на две пуговицы и отправится отдыхать.

– Не нападай на комиссара, Ломакин, – предупредил Журба, – у него хлеб тоже несладкий.

– Да я и не нападаю, – Ломакин хмыкнул, – это я так, для профилактики. Чтобы конь не застаивался.

Базар, на котором пили пиво два болтливых мужика, взяли под контроль – может быть, деятели эти появятся снова? Хотя надежды, что это произойдет, не было никакой. Но тем не менее решили отработать и этот вариант – а вдруг?

К поиску привлекли Дашу Самойленко, попросили только сменить очень приметную косынку на другую, да снять с блузки кимовский значок, – чтобы не бросаться в глаза базарной публике, которая умеет засекать не только журавля в небе, но и мух на деревьях, как сказал ей чекист.

Везение не обошло ни чекиста, имевшего профессиональный нюх, на который тот, в общем-то, и надеялся, ни Дашу, – они увидели на базаре вчерашнего пьяненького мужика, он продавал с телеги товар со своего огорода – огурцы и ранние мелкие дыни, еще не успевшие пожелтеть, но, как утверждал хозяин, сладкие.

Оказалось, мужичок этот жил в богатой и большой станице, расположенной в семи километрах от города, и на базаре городском бывал редко, потому глазастая Даша никогда его не встречала... И вот на что сразу же обратил внимание опытный чекист – на постое в станице этой пребывал пехотный полк. В состав полка был включен и морской десантный отряд, имевший в своем распоряжении несколько мелких боевых судов.

Но и этих судов, клоподавов и консервных банок, могло с лихвой хватить на то, чтобы снести с берега пару населенных пунктов. А уж тех, кто останется в живых после такой атаки, мог легко додавить сухопутный полк.

За мужичком, который и в этот раз здорово набрался в базарном шинке, проехали до самой станицы. Там выяснили, что в доме у него проживает красный командир – молодой, длинноногий, привлекательный, с хорошей офицерской выправкой. В командира явно была влюблена хозяйская дочка, круглолицая, с сонными глазами и маленьким ртом, похожая на медлительную озерную рыбу.

Вот от кого мужичок, поставивший на городской базар ранние огурцы и дыньки, почерпнул встревожившие всех сведения – от краскома.

В ту пору была в ходу странная мода – все и вся сокращать, словно бы у революционного народа не хватало времени на произнесение нормальных слов. Краскомами называли красных командиров.

Раз об этом болтал краском, раз сведения проникли в станицу, к людям, значит, в полку дело неладное, что-то там затевается...

Мягков же решил поискать следы в самом городе, опросить людей, которые заняты в сфере обслуживания трудового народа, каждый день встречаются со своими клиентами, разговаривают с ними и в разговорах этих, конечно, могут многое услышать, – с парикмахерами, портными, сапожниками, столярами, плотниками и так далее.

«Не может быть, чтобы какие-нибудь следочки не всплыли... должны всплыть», – думал он, заходя к первому мастеру – одноногому сапожнику Егорычу, живущему недалеко от его дома.

Егорыч, человек угрюмый, малоразговорчивый, только головой покачал отрицательно, да вытянул единственную ногу, размял ее пальцами – затекла, – и вновь принялся прилаживать подошву к поношенному хромовому сапогу.

Вторым по счету шел портной – сын солнечного Кавказа с лысой, круглой, как гимназический глобус, головой, с которой, будто пучки сена, спадали на уши ключья волос.

Увидев коменданта, он проворно выскочил из-за широкого портновского стола, где раскраивал кусок костюмной ткани – нацелился сшить какому-то богатому клиенту пиджак, – раскинул в стороны короткие волосатые руки, чуть ли не по локоть вылезшие из таких же коротких рукавов черного похоронного пиджака.

Удивился Мягков: как же может человек в такую жару ходить в плотном траурном одеянии? Ведь заживо можно спечься.

Белую рубашку портного украшал галстук-бабочка. Модный гражданин, однако, очень модный...

– Заходи, дарагой, – проворковал портной сердечным голосом, – гостем будешь! Может быть, с белой лепешкой, а? Могу и стаканчик хорошего вина налить, а? У меня есть.

– Нет, нет, нет, – выставил перед собой ладони Мягков; в следующее мгновение приподнял одну бровь и неожиданно спросил: – А вино хорошее откуда? Лето же, летом хорошего вина не бывает.

– Бывает, дарагой, еще как бывает, – портной, в свою очередь, также приподнял ладони. Не ладони, а ладошки. Руки у него были маленькие, аккуратные, с короткими, но очень ловкими пальцами. – В горах. С гор мне это вино и привозят.

– Понятно, – Мягков кивнул. Ответ портного его удовлетворил. – Меня вот что интересует, – комендант окинул взглядом стол портного: вдруг на нем обнаружится что-нибудь интересное, но ничего интересного там не было, и Мягков снова удовлетворенно кивнул. По всему выходило, что портной – человек честный, а честным людям бояться нечего и некого: ни пограничников, ни чекистов, ни милиции, ни ревкома. – Скажи, Гоги, не вели ли при тебе посетители какие-нибудь разговоры?.. Ну, такие, скажем откровенно, кривые, – Мягков сло-

жил пальцы в рогульки, покрутил ими в воздухе, – от которых наша с тобою спокойная жизнь в городе зависит. Может, грозилась кому-нибудь голову отрезать или взорвать пограничную комендатуру, а? Или деревья на центральной улице города украсить веревками и превратить в виселицы?

Гоги возмущенно покачал большой лысой головой.

– Неужели такие нехристи еще существуют? Не перевелись?

– Не перевелись, Гоги.

– А я-то, наивный, думал, что всех их перебили в Гражданскую войну.

– Да нет. В Ставрополе недавно вон... какие-то белобандиты чуть восстание не подняли.

Еле-еле с ними справились.

Портной удрученно поцецекал языком, привычно склонил голову на одно плечо, потом перекинул на другое, лоб его покрылся лесенкой озадаченных морщин.

– Народ ко мне ходит очень миролюбивый, советскую власть не ругает, любит греться на солнышке и есть груши.

– Почему именно груши? – не понял Мягков.

– Потому, что они вкусные.

Интересный вывод. Мягков вытер пальцами потную изнанку фуражки, нахлобучил на голову, козырнул:

– Извини, Гоги, что потревожил.

Лицо портного сделалось самой учтивостью, губы растянулись в вежливой улыбке.

– За что извинять, приходи, дарагой товарищ командир, в любое время, чай и стакан хорошего вина всегда будут ждать тебя. Очень прошу – приходи!

– Приду, Георгий, – пообещал Мягков, аккуратно прикрыл за собою тонкую перекошенную дверь портняжной мастерской.

Улицу заполнила липкая дневная жара, воздух сделался густым, только вот какая штука – к фруктовому запаху улиц добавился запах водорослей и рыбы – с моря дул ветерок. Если бы не он, этот ветерок, жара совсем бы задавила город. Вареный рыбный дух – штука, конечно, тоже неприятная, но все же он лучше лютой, прошибающей до самых костей жары. Мягков поправил на голове фуражку и двинулся дальше.

Он прошел треть квартала и очутился перед крашеной фанерной дверью еще одного сапожника, – по имени Фома, – вислоусого седоголового хохла, человека очень мастеровитого, способного стачать баретки даже мухе, не то, чтобы двуногому «венцу природы», но очень уж молчаливого. Даже более молчаливого, чем первый сапожник, Егорыч. На все вопросы Мягкова Фома только отрицательно качал головой: ничего не видел, мол, ничего не слышал, ничего не знаю...

Вышел от него комендант раздосадованным, взмахивая рукой, проследовал к следующему мастеру, брадобрею Левке Сахарову (настоящая фамилия его была Цукерман, но Лева посчитал, что выносить на жестяную вывеску, украшавшую его заведение, такую фамилию неприлично, и велел написать «Сахаров»). Левка в отличие от двух сапожников был человеком чересчур разговорчивым.

Большие Левкины уши всегда были оттопырены, он слышал все, но проку от этих ушей оказалось мало: ни о крестах, нарисованных на воротах, ни об угрозах, исходивших от неизвестных лиц, он не слышал совершенно ничего и, понимая, что его захлебывающийся, часто прерываемый кашлем говорок не устраивает коменданта, нет в нем никаких сведений, огорченно развел руки в стороны.

– Извиняйте, товарищ командир, – проговорил «Сахаров» на прощание, и Мягков с ощущением невыполненного долга покинул заведение, именуемое в их городке «цырульней».

Ничего не дали также походы ко второму портному, к столяру-краснодеревщику, к плетельщику рыбацких сетей... Раздосадованный Мягков хотел было вернуться в комендатуру,

но потом вспомнил, что есть еще платная ворожея бабка Акулина, к ней ведь народ, как в церковь, со всеми своими заботами спешит. Надо заглянуть к бабке.

Акулина очень походила на рождественскую старушку, какую раньше часто изображали на лубочных открытках, – с улыбочным морщинистым лицом, искристым взглядом и вздернутым, похожим на воронье яичко носом.

Войдя в дом ее, на удивление прохладный в эту лютую жару, Мягков уважительно поклонился – он относился к бабке Акулине с симпатией, знал, бабка побывала в контрразведке Шкуро, ее трясли, даже пытали, избивали плетками, накидывали на голову мешок, сверху – петлю и с воплями волокли к виселице, но потом отпустили, так ничего и не добившись. А подопечные генерала Шкуро знали, чего добивались: Акулина прятала на озерах раненого командира красного полка. Она не выдала его.

– Мое почтение, Акулина Петровна, – Мягков снял с головы фуражку. – Здоровья вам и еще раз здоровья!

– И тебе того же, – бабка улыбнулась широко, и морщины на ее лице разгладились – на глазах помолодела.

Мягков вздохнул, сел на стул, стоявший напротив ворожеи, глянул в бабкины глаза, выцветшие, влажные от усталости и забот, коротко поведал, зачем пришел.

Акулина задумалась. Через минуту покачала головой отрицательно:

– Ничего такого припомнить не могу, ей-богу. Ко мне народ приходит все больше с личными делами, с болезнями, да с просьбой подсобить в урожае, чтоб и хлеб в доме водился, и виноград с морковкой...

– Жаль, бабушка Акулина, – Мягков снова вздохнул, помял фуражку, которую держал в руках, поправил перекосившуюся звездочку на околыше. – Жаль.

– Не обессудь, милоч, что не сумела подсобить, – лицо бабкино сделалось виноватым.

– Бандитов надобно найти, а никто из нас не может этого сделать... Пока не может, – поправился комендант. – Вот и хожу я, собираю сведения по крупичкам: может быть, кто-нибудь чего-нибудь слышал, что-нибудь видел...

– Все понимаю, но... – ворожея отрицательно покачала головой, – даже ничего близкого не слышала.

– Вам ведь часто изливают свою душу...

– А как же иначе! Особенно, ежели в доме не порядок или болезнь какая-нибудь прицепилась – тут выкладывают все, не стесняясь, откровенно. Иначе из ворожбы получится пшик – карты ничего не скажут, – бабка Акулина снова задумалась на несколько минут, потом оживилась. – Давай-ка я все-таки расскажу тебе, товарищ командир, кто у меня был в последнее время и что мы тут решали...

Ничего интересного в ее рассказе не было – ни одной детали, ни одной зацепки – ничего. Мягков поднялся с огорченным видом. Ворожея сожалеющее вздохнула, отерла руками лицо.

Руки у бабки Акулины были натруженными, мозолистыми – работала ворожея не только с картами – у нее был большой огород, кормил и саму бабку, и ее родных.

– Последней ко мне приходила соседка моя Авдюкова Ксюшка, я ее Авдючихой зову. Находится она на сносях, на последнем месяце, а муж ейный служит в Красной армии, дома часто бывать не может.

– Где служит-то, бабусь? – неожиданно заинтересовался этим фактом Мягков.

– Да в Красной армии, – повторила ворожея, блеснула маленькими влажными глазами, – в ей самой...

– А конкретно где?

– В станице, что под городом...

– В Петровской?

– В ей самой. Но как я поняла, две недели назад его перевели сюда, в город. Из-за того, что Авдючиха на сносях – вот-вот ведь опростается.

– И чего говорила Авдючиха?

– Да вначале захлебывалась слезами, а потом, когда успокоилась, сообщила, что муж со своей ротой собирается сегодня ночью производить аресты... И посему ночевать домой не явится. Вот Авдючиха мигом определила глаза на мокрое место, захлопала носом и примчалась ко мне – интересовалась все: может, у мужика ейного какая-нибудь зазноба завелась, и он решил бросить свою беременную женку?

– Что показали карты, бабусь?

– А чего? Они всю правду показали, без утайки. Поведали честные карты, что никакой зазнобы у него нет, жене он верен и ночью будет заниматься казенными делами. Никаких амуров, словом.

Мягков, естественно, знал, что в городе стоит комендантская рота, подчинявшаяся штабу полка, расквартированного в Петровской – станице, которую чаще называют просто Петровской, бойцы роты иногда по ночам патрулируют городские улицы, вылавливают заезжих «гоп-стопников», наводят порядок. Но кого доблестные воины собрались арестовывать нынешней ночью, вот вопрос? Этого Мягков не знал. Хотя должен был бы знать.

– Бабусь, не в службу, а в дружбу, сделай вот что...

– Ну!

– Сходи в роту и вызови этого самого Авдюкова.

– Зачем?

– Нужно. Очень нужно, бабусь. Скажи ему, что у жены начались родовые схватки. Лады, а?

– Ну, раз очень нужно, раз роды начались, поручение исполню.

Ворожея исполнила поручение в лучшем виде – вскоре на улице показалась бегущая фигура в солдатской одежде. В беге солдат взмок, пот дождем сыпался на сапоги, пряжка ремня сползла набок, на ремне вольно болтался тяжелый подсумок с винтовочными патронами, сама винтовка, естественно, осталась в казарме. Форменная фуражка сползла на затылок.

– Товарищ Авдюков! – окликнул бегущего Мягков.

Тот вскинулся на бегу, взбил сапогами пыль, от резкого, как у трамвая торможения фуражка съехала с затылка на нос. Увидев командирскую форму Мягкова, красноармеец схватился за ремень, поправил его.

– Извиняйте, товарищ командир, у меня жена рождает.

– Никто у тебя не рождает, Авдюков, – комендант скрестил перед собою руки, – с женой твоей все в порядке, родит, когда подоспеет время.

– А как же... как же...

– Это я тебя вызвал, Авдюков. Очень хочу знать, кого же ты собираешься арестовывать нынешней ночью?

Авдюков вытянулся с готовым вздохом.

– Врагов революции, товарищ командир, – выпалил бодрим голосом.

– Кто такую задачу поставил перед бойцами, Авдюков?

– Командир нашей роты товарищ Ряповский.

– Что еще он сказал?

– Арестовывать будем злейших врагов революции, окопавшихся в ревкоме, в милиции, у вас, погранцов, и так далее.

– И какие же цели преследуют злостные контрреволюционеры?

– Этого я не знаю, товарищ командир, нам не объяснили.

– Не объяснили! – с неожиданной злостью произнес Мягков. – Используют вас, дураков, втемную, хотят вашими руками залить улицы кровью. Тьфу!

Авдюков вытянулся еще больше, он словно бы поднялся над самим собою, захлопал глазами.

– Как это так, товарищ комендант? – оторопело спросил он.

– А вот так... Откуда знаешь, что я пограничный комендант?

– А мы встречались с вами. Я два раза поступал в ваше распоряжение. Для усиления границы. Вы меня не запомнили, а я вас запомнил.

Вместо ответа Мягков махнул рукой.

– Значит, командир роты у вас Ряповский?

– Так точно!

– Из белых, наверное?

– Этого я не знаю.

– Из белых, из белых, – убежденно произнес Мягков. – Только беляки до самой гробовой доски будут колебаться – с нами быть или не с нами.

На потном лице Авдюкова возникла растерянная улыбка, он не знал, как вести себя с пограничным командиром, то ли поддержать его, то ли, наоборот, сказать, что это не так, то ли вообще сообщить об этой встрече товарищу Ряповскому?

– Когда вы должны произвести аресты?

– Сегодня ночью, в двенадцать часов.

На пустынной прожаренной улице никого не было, ни единого человека, только воздух подрагивал, шевелился, словно бы кто-то через него прошел, раздвинул пространство, но это было не так, это парила земля, напоминавшая сейчас собой огромную раскаленную сковороду. Вьющиеся струи уходили от нее вверх.

И хотя никого на улице не было, на виду все равно стоять было нельзя, – их вместе с Авдюковым видеть не должны.

– Пошли-ка к бабке Акулине, в прохладу, – предложил он бойцу.

Тот стер рукавом пот со лба, помедлил малость и согласно наклонил голову. Спросил озабоченным тоном:

– А с женой моей, с Ксенькой, действительно все в порядке? Не рожает она?

– Действительно все в порядке, – подтвердил Мягков, – пока не рожает. Да через десять минут ты уже будешь у нее, сам во всем убедишься.

Клиентов у бабки Акулины не было, – слишком жарко для таких походов, на улице можно свариться – в доме было пусто, поэтому старушка выделила Мягкову для беседы угловую комнату, очень тихую, в ней даже криков птиц не было слышно. Мягков уселся на табуретку, ткнул пальцем в табурет, стоящий рядом и приказал:

– Теперь расскажи обо всем подробнее.

Оказывается, сутки назад из Петровки, из штаба, приезжал командир полка – образцовый царский офицер по фамилии Попогребский, в старой армии он носил погоны полковника, на сторону красных перешел в самом начале Гражданской войны, причем перешел, не колеблясь ни минуты. Он собрал командиров взводов и объявил, что в городе орудует скрытая контра, и ее надобно выкорчевать.

Все понятно. Контрики руками красных бойцов решили уничтожить красных командиров, а заодно прихлопнуть и советскую власть. Лихие ребята, очень лихие. И хитрые. Мягков так же, как и Авдюков, отер рукавом гимнастерки мокрый лоб. Спросил:

– Кто еще кроме командира полка и Ряповского был на этом совещании?

– Из Петровки, из штаба, приехали человек семь. Знаю я, к сожалению, не всех.

– Но узнать, ежели повстречаешь на улице, сумеешь?

– Конечно, сумею. Это просто.

– Спасибо. Как зовут тебя, боец?

– Николай.

– Еще раз спасибо тебе, Коля. Ну, давай, иди к жене. С ней все в порядке, не тревожься, – тут Мягков отвел глаза в сторону, ему неожиданно стало неудобно перед бойцом: а вдруг жена его сейчас действительно рожает? Это ведь дело такое – в любую минуту может прижать...

Но боец не уходил.

– И вот еще что, – сказал он, помотал ладонью в воздухе...

– Что?

– Командир полка объявил, что он имеет на руках приказ главкома не только арестовать контрреволюционные элементы, но и сегодняшней же ночью ликвидировать их.

– Приказ он показывал? Саму бумагу?

– Нет.

– Значит, такой бумаги не существует вообще... Ладно, Коля, заговорились мы с тобой. Иди, проведай жену. Не то ведь Ряповский может хватиться – одного штыка у него не достает, арестовать нас не сумеет...

Мягков шел по улице, не замечая, что солнце врезается острыми спицами в спину, в выгоревшую ткань гимнастерки, пахнувшей мылом, – недавно он ее стирал, чистая была... Надо было обдумать свои действия, согласовать их с Ломакиным – тот ведь, как всякий начальник, может с чем-нибудь не согласиться, и тогда у коменданта образуется головная боль. А нужна она ему, как черепахе коровий хвост. Иль как вороне дырявые зубы.

Хотя понятно было одно – действовать надо незамедлительно, времени у него – не более двенадцати часов.

– Товарищ командир! – услышал он за спиной девчоночий голос. Остановился – показалось, что ноги дальше идти уже не могут.

Даша! Даша Самойленко! Светится вся, словно насквозь пропитана солнцем, глаза лучатся. Мягков ощутил, что сердце у него сжалось испуганно. Он даже на войне, в пиковых ситуациях не пугался так, сердце вело себя по-иному, а тут вон – даже дышать нечем. В горле пробка сидит.

Даша, кажется, поняла, что творится у пограничного командира внутри, рассмеялась довольно. Голос у нее был звонким.

– Есть какие-нибудь новости, товарищ командир? – она сделала рукой изящное движение – словно бы расколдовала заколдованного Мягкова.

– Пока нет, но будут... Собираем потихоньку.

– А мы на базаре нашли одного подвыпившего... из тех говорунов. После этого товарищ Михайлов велел мне идти домой, а сам уехал в станицу.

Михайлов – это был чекист в соломенной шляпе и широкой, расшитой народными узорами рубахе.

Тут у Мягкова в горле снова застрял воздух, ни туда ни сюда – не продохнуть... Он с трудом прокашлялся. Даша засмеялась опять. «Ну что же происходит в мире, Господи?» – жалобно подумал Мягков, вновь поднес к губам кулак – кашель не отпускал его.

Глаза у Даши были синие, они не просто лучились, а искрились, такой свет бывает у дорогих камней – лишь камни способны излучать яркую рассыпающуюся синеву.

– Молодцы, – наконец пробормотал Михайлов, почувствовав, что вновь может говорить. – Мы тоже копаем потихоньку.

– Комсомол нашего города с вами, товарищ командир! – звонко воскликнула Даша.

– Поддержку вашу мы ощущаем, спасибо, – произнес Мягков и огорчился: фраза эта громкая показалась ему никакой, даже пустой, вот ведь как... Ну куда же подевались все красивые слова, которые он знал? – Очень хорошо ощущаем, – покрутив головой, прокашлял он в кулак. – Но пока ничего конкретного добавить не могу, – проговорил он, удивляясь своему глухому, какому-то тупому голосу. Словно бы и не он это говорил, а кто-то другой.

Похоже, Даша уловила что-то такое, чего он сам в себе не мог уловить, какие-то нотки, что явно ее огорчили, иначе почему угасло радостно светящееся Дашино лицо – не понять... Через несколько мгновений лицо зажглось вновь. Мягков вздохнул, опустил голову и неожиданно увидел свежий голубой цветок, проклюнувшийся сквозь пожухлую, спаленную солнцем траву, цветок словно бы только что познакомился с небом, с пространством жаркого дня, с жидким облачком, застывшим в выси, удивился увиденному несказанно и теперь крутил головой, крутил...

Впрочем, Мягков засек только это – как цветок крутит своей нежной маленькой головой, – ну, будто живой.

Он нагнулся, сорвал цветок и протянул его Даше.

– Это вам от русских пограничников, – сделал поклон, будто денди лондонский, сам не ожидал от себя такого пассажира, ощутил, что у него загорелись, запылали жаром, словно у девочки, щеки.

– Спасибо, – неверяще, голосом, снизившимся до шепота, проговорила Даша и тоже, как и Мягков, сделала поклон.

Комендант глянул на нее и произнес быстро, комкая слова:

– Даша, можно будет как-нибудь вечером проводить вас домой?

Девушка поднесла к лицу цветок, втянула в себя слабый дразнящий запах распустившихся лепестков. Потом подняла взгляд и ответила тихо и очень серьезно:

– Можно!

Что-то имелось в голосе Даши такое, что сняло с Мягкова некую неловкость, в которой он пребывал – счистило, словно паутину, – нельзя быть таким неловким, неповоротливым, неуклюжим, надо быть самим собою... Все это Мягков понимал очень хорошо, но поделать с собою ничего не мог.

– Берегите себя, Даша, – проговорил он негромко на прощание, – ночью в городе может быть стрельба.

– Все так серьезно?

– Серьезно, – комендант подтверждающе кивнул. – В общем, всякое может быть.

Даша вздохнула.

– И вы себя берегите, товарищ командир.

– Мне-то что, для меня это дело обычное, а вот вы... – Мягков замолчал и тоже вздохнул.

Ясно было одно – командира полка и ряд других краскомов, решивших взбунтоваться, таких, как Ряповский, надо было срочно арестовать, допросить их – может быть, всплывет что-нибудь новое. Без командира взбунтовавшийся полк вряд ли сумеет арестовать кого-либо в городе – просто управлять арестами будет некому.

В станицу Петровскую на грузовом автомобиле срочно выехала группа пограничников. Вторая группа – чекистская, – отправилась туда же на полулегковом «рено». Следом – конная группа. Только мелкая рыжая пыль длинным кудрявым хвостом потянулась вслед. Шли кони ходко, быстро догнали чекистский, а потом и пограничный автомобили, но уходить вперед не стали, Мягков запретил – надо было держаться вместе.

С опозданием на пять минут городок покинул еще один автомобиль, внезапно забарахливший, – машина была старая, в конце Гражданской войны попала под длинную очередь станкового пулемета, «максима», пули посекали мотор, и, хотя машину вылечили, даже покрасили заново, движок ее постоянно капризничал, мог внезапно заглохнуть в самый нужный момент.

Закапризничал мотор и сейчас...

Над землей летали незнакомые крупные птицы, похожие на коршунов, чертили в воздухе дуги, присматривались к тому, что происходит внизу, на земле. Наверное, ощущали птицы запах крови, чувствовали поживу, не иначе. Мягкову сделалось тревожно.

Он сидел в кабине грузовика, для удобства передвинув кобуру нагана вперед, на живот. И удобно, и оружие под рукой, не то ведь, кто знает, – может быть, придется стрелять.

Шофер – седой, горбоносый, в кожаной фуражке, похожий на мудрого турка, из терских казаков, похоже, молчаливо крутил тонкий широкий круг руля, да внимательно посматривал на дорогу – слишком много было ям, машину могло встряхнуть так, что бойцы запросто повывлетали бы из кузова, как грибы из лукошка.

Ломакин тоже собирался выехать на операцию, но в последний момент возникли кое-какие мешающие обстоятельства – отряду передавали отремонтированный в Новороссийске сторожевой катер, вооруженный небольшой английской пушчонкой и двумя пулеметами, и начальник отряда решил принимать этот катер лично.

Что ж, катер – штука благая, и командованию виднее, что надо делать и чего не надо.

Из-под передних колес грузовика со свистом вымахивали струи пыли, уносились назад, под копыта идущих следом лошадей. Можно было себе представить, как матерились всадники. Мягкову сделалось жаль их. С другой стороны, жалость – качество, которое совершенно несоместимо с профессией солдата.

Птиц, совершавших плавное барражирование над землей, сделалось больше. Что же вы чувствуете, птицы, а? Ясно, что они чувствуют... Мягков тронул рукой кобуру нагана – неплохо бы подстрелить одну из птиц, чтобы не мозолили взгляд, но попасть в парящего кондора (красиво как звучит – кондор, Мягков где-то услышал это слово, оно ему понравилось) – штука невыполнимая, вероятность очень маленькая, один шанс из тысячи, а может, и нет...

Да и патроны, они – на вес золота. Мягков окинул взглядом небо, землю тоже не оставил без присмотра, прошелся по полю, цепляясь глазами за всякий запыленный куст, за канавы и лощины среди пышно распутившихся под солнцем куртин, и неожиданно весело рассмеялся.

Шофер недоуменно покосился на него: что же это происходит с командиром, а? Ответа не получил и вновь угрюмо приник к рулю.

А Мягков думал о Даше. Ну, должно же в конце концов ему повезти, не может снаряд трижды падать в одну и ту же воронку, он даже два раза не должен падать, но судьба у Мягкова оказалась невезучая, не судьба, а наказание – взрывы громыхнули дважды. В результате у Мягкова не стало ни Насти, ни Тони.

Хоть и решил он подвести черту под всеми потерями и несчастьями и на женский пол больше не обращать внимания, природа оказалась сильнее клятвы, данной самому себе, сильнее всех зарок и запретов. Похоже, он равнодушен к Даше. Хотя возраст у него уже не мальчишеский – двадцать четыре года. Это – половина сознательной жизни, половина того, что отведено ему природой.

С другой стороны, за двадцать четыре года он ничего толкового еще не сделал. Правда, есть орден на груди... Это хорошо, орден заработан честно, у большей части его сослуживцев орденов нет. Значит, можно загнуть один палец. Что еще? Должность коменданта пограничного участка? Этого мало в его возрасте. Другие в двадцать четыре года фронтами командовали, города брали...

Нет, биографии у товарища Мягкова пока еще нету, это надо признать совершенно самокритично. Биографию надо делать. А пока он «ни рыба ни мясо» Эта пословица – английская, а не русская, хотя у англичан она имеет продолжение и звучит так: «Ни рыба, ни мясо, ни копченая селедка». Очень внушительная пословица. Умеют англичане из ничего, из воздуха сделать что-нибудь внушительное.

Он вновь растянул рот в улыбке. Водитель, неприступный, как ледяной торос на холодном Севере, еще раз покосился на него, качнул головой недоуменно и опять ничего не сказал – такой был человек.

А Мягков продолжал думать о Даше.

Петровка, – точнее, станица Петровская, – была не меньше города, в ней имелись такие же улицы, ровно расчерченные, раньше носившие царские названия, а сейчас переименованные в Красноармейскую, Перекопную, Лиманную, в улицу Красных Командиров и так далее, стояли такие же справные дома, окруженные цветущими садами, подступающими к самым окнам.

Полк, в который они направлялись, занимал длинную старую казарму, давно не ремонтированную, и несколько одноэтажных, с железными крышами, построек, где жили командиры и располагался штаб. Владения полка были обнесены забором. Раньше здесь располагались казаки, сейчас – обычные пехотинцы в обмотках, поскольку казаки новую власть не поддерживали. А раз не поддерживали, то казаков скovyрнули на обочину истории, как класс. Мягков расставил пограничников вдоль забора, а сам вместе с Никодимовым из чека, – заместителем Михайлова, – прошел на территорию полка, к дежурному.

Часовой, стоявший в проходной, заупряился, не захотел пропустить гостей, но Никодимов сунул ему под нос красное, обтянутое простенькой материей удостоверение и так рявкнул, что часовой мигом поджал хвост и стал походить на подбитого вороненка. Сам был готов насадиться на штык винтовки, лишь бы на него не рявкали.

Дежурный по полку – тонколицый горбоносый человек с осиной талией, перетянутый ремнем и двойной кавалерийской портупеей, перекинутой через оба плеча, был сама вежливость, при виде гостей встал.

– А где командир полка? – резким голосом спросил Никодимов.

– В части его нет – выехал утром.

– Когда обещал быть?

– Ближе к вечеру.

– Командиров собрать можно?

– Всех?

– Всех, кто находится в расположении части. Срочно!

– Извините, а к чему такая срочность, товарищ...

– Никодимов.

– Товарищ Никодимов?

– Такое распоряжение поступило из Москвы.

– Понятно, – дежурный достал из стола потрепанную амбарную книгу с командирским списком, подтянул к себе громоздкую, как ящик граммофона коробку с торчащей из бока заводной ручкой. Это был полевой телефонный аппарат.

Сделав несколько оборотов ручкой, дежурный выкрикнул в трубку:

– Первая рота! Первая рота, чего вы там шипите, как пескари на песке? – Пожаловался: – Очень плохая слышимость, товарищ Никодимов... Первая рота!

Наконец первая рота отозвалась, дежурный передал им распоряжение Никодимова и начал накручивать вторую роту.

В это время дверь распахнулась, и на пороге дежурной комнаты появились пограничники с карабинами.

– Вторая рота, вторая ро-о-о... – увидев пограничников, дежурный неожиданно побледнел. Человеком он был сообразительным, понял все мигом и потянулся к рубильнику тревожного ревуна, способного поднять на ноги не только весь полк – всю станицу.

Никодимов отбил руку дежурного в сторону. Рявкнул сурово:

– Не смей!

Лицо у дежурного сделалось еще более бледным, почти белым, руки задрожали мелко, сделались потными. Никодимов выдал дежурного из-за стола, уселся на его место сам.

– Вторая рота, говоришь, – произнес он громко, выдвинул ящик стола. Дежурный доставал оттуда амбарную книгу, значит, там могло быть еще что-нибудь интересное. Впрочем, Мягков в ящике ничего особого не заметил, а Никодимов, видать, заметил, выдвинул побольше.

Хороший глаз был у Никодимова – в глубине ящика лежал револьвер. Барабан был целиком набит патронами, когда Никодимов откинул ствол, латунные капсюли призывно заблестели в тусклом свете помещения. М-да-а, дежурный словно бы приготовился в кого-то стрелять: револьвер стоял на боевом взводе.

– Так-так, – проговорил Никодимов спокойно, побарабанил пальцами по столу, – так-так. У дежурного должен быть помощник... Подать сюда помощника!

Помощник находился здесь же, в соседней комнатухе, его подвели к Никодимову.

Без особого страха, – видать, не чувствовал за собой никаких грехов, – он козырнул, доложил четко, – как, собственно, и положено по уставу:

– Помощник дежурного по штабу полка Белоусов!

Лицо у парня было загорелым, улыбчивым, широко поставленные светлые глаза дружелюбно изучали Никодимова.

– Вот что, товарищ Белоусов, давай-ка, дорогой мой, садись за телефонный аппарат и вызывай сюда всех командиров, которые на этот момент находятся в полку. Исключений ни для кого не делать, ни для единого человека. Понятно?

– Так точно!

Когда командиры собрались, Никодимов проверил их по списку, – поименно, несмотря на недовольные возгласы, – не хватало нескольких человек, вполне возможно, что они находятся здесь же, в станице, – взял в руки револьвер, лежавший на столе, и приказал:

– Арестовать!

Сопротивляться было бесполезно, в помещении дежурного находились пограничники с карабинами, – командиров, имевших при себе пистолеты, разоружили и заперли в канцелярии. У окон и дверей Мягков поставил часовых. На всякий случай, чтобы вид голубого неба в оконных стеклах не вскружил никому голову и не сподвигнул на какой-нибудь необдуманный поступок.

– Значит, так, комендант, – сказал Никодимов, – ты построь полк и объясни бойцам, что происходит, а я – в канцелярию... Хочу разобраться с господами офицерами, выяснить, кто из них есть кто. Договорились? – В ответ последовал молчаливый кивок, Никодимов также кивнул, засунул револьвер себе в карман и произнес буднично: – За дело!

Построить полк помог Белоусов – второй человек в дежурке. Если сам дежурный был в курсе того, что происходит в полку, участвовал в заговоре – это было видно невооруженным взглядом, – то для помощника его новость эта была громом среди безоблачного неба, от таких новостей люди, бывает, хлопаются в обморок, но славный парень этот лишь пошатнулся, в обморок не упал, на ногах устоял и теперь изо всех сил старался доказать, что он нужен... На лице его прочно отпечаталось виноватое выражение.

Мягков неторопливо прошелся вдоль длинной шеренги выстроившихся бойцов, пристально вглядываясь в загорелые солдатские лица и пытаясь найти ответ на очень важный вопрос: «Являются эти люди врагами советской власти или нет?»

Всякую жестокость по отношению к человеку, не являющемуся врагом, Мягков не принимал, порицал, ему не нравилась жестокость, с которой осуществлялись расправы с русскими людьми... Да и не только с русскими. Разве калмык или татарин, казах или свой брат-хохол не ощущают боль так же остро, как и русский человек, разве кровь у них не такая же, как у Никодимова с Ярмоликом и Ломакиным, а?

Жестокость – отвратительная вещь, с чьей бы стороны она ни проявлялась. Мягков не принимал жестокость, проявленную даже по отношению к врагу. Зачем, спрашивается, надо

было расстреливать белых офицеров, оставшихся в Крыму после ухода Врангеля? Ведь они согласились служить новой России, подписались под этим и готовы были служить, но их поставили к стенке. Нет, крайняя жестокость Бела Куна и Розалии Землячки ему непонятна совершенно, и он никогда не поймет ее... Сколько бы ему ни вдалбливали, что иного пути не было.

Был иной путь, был, и главное было не уничтожить врага, а переделать его, перевоспитать, из белого превратить в красного. Слишком уж легко порою записывают ничего не подозревающих людей в заклятые враги. Ну, какие могут быть враги из этих плохо обмундированных, с простыми крестьянскими лицами парней? Физиономии абсолютно бесхитростные, такие ребята не умеют обманывать, они вообще не способны строить козни и ставить ловушки.

Мягков дошел до конца шеренги и повернул назад. Вновь начал цепляться глазами за лица бойцов. Такие же солдаты были и в белой армии. С такими же лицами. И вот надо же – насмерть схлестнулись друг с другом в жестокой Гражданской бойне. Мягков помрачнел, сдержал готовый вырваться из груди сожалеющий вздох. Остановился.

Глянул поверх голов в желтоватое горячее небо, у которого ни начала не было, ни конца, оно было бездонным и рождало в душе беспокойство, тревожные мысли о завтрашнем дне – что ждет там? Будет такая же прокаленная бездонь, окрашенная в легкую яичную желтизну, или к безмятежной желтизне добавится тяжелый красный цвет – цвет крови?

Очень не хотелось бы этого – хватит проливать кровь. Он зябко передернул плечами, выпрямился и заговорил звучно и сильно:

– Бойцы! Командованию стало известно, что сегодня ночью в городе должны быть проведены аресты членов ревкома, пограничников, сотрудников чека, большевиков и вообще тех, кто поддерживает народную власть...

Сделалось тихо, очень тихо. Было слышно, как поет свою песенку ленивый, одуревший от жары ветерок, прилетевший с лимана, да лают собаки, гоняющие двух коз на утоптанной, совершенно лишенной травы, – не росла трава на ней, – площади, где казаки собирались на станичные круги, – общие собрания.

Шеренга красноармейцев не шевелилась.

– Аресты, о которых я говорил, а потом и расстрел арестованных, собрался произвести ваш полк, – продолжил свою речь Мягков.

Откуда-то из-под земли, – именно оттуда, как показалось Мягкову, – донесся глухой нестройный гуд, вырос, сделался громким, строй бойцов качнулся возмущенно, заволновался.

– Это как же так, товарищ командир? – раздался вопрос, голос хоть и был звонким, а дрожал, словно бы угодил в лютый ветер. – Поясните это, будьте так любезны.

– Буду любезен, – пообещал Мягков, – буду. В результате предательства своих командиров вы сегодняшней ночью должны будете стать орудием контрреволюции... Вот так-то, дорогие товарищи.

– Не может этого быть! – воскликнул кто-то возмущенно.

– Может. Еще как может! – Мягков взмахнул кулаком и словно бы вогнал в воздух острый гвоздь. – Меня, как я полагаю, тоже должны будут арестовать и расстрелять.

Тут шеренга сломалась, воздух заколыхался от возбужденных вскриков, возбужденные бойцы даже начали подпрыгивать в шеренге, взмахивать кулаками. Мягков, призывая людей к тишине, поднял обе руки и ладонями придавил воздух. Выкрикнул:

– Тихо, бойцы!.. – Когда шеренга замолчала и выровнялась вновь, объявил, что он не собирается устраивать допросы и проверять, как полковой народ относится к советской власти, но кое-какие меры все-таки вынужден предпринять. Например, всем бойцам запрещен выход за пределы полка... Строжайшим образом.

– А если мне сегодня с невестой предстоит расписываться? – повис над шеренгой вопрос, скажем прямо, непростой, голос был тонким, обиженным.

– Я же сказал: запрещено строжайшим образом.

– За тебя распишется кто-нибудь другой, – шеренга мигом отреагировала на это заявление, – а ты... У тебя, друг, женилка должна еще немного подрасти.

Обиженный жених пискнул что-то в ответ и умолк.

– А если мама умирает? – слышалось с другого конца шеренги.

– Я же сказал – строжайшим образом... – тут Мягков умолк, подумал: «А ведь мать – это мать, это – святое, здесь вопросов быть не должно», – проговорил глухо и жестко: – К умирающей матери отпустим обязательно. Еще вопросы есть?

Вопросов не было. Кажется, бойцы поняли, в какую скверную историю они могли попасть – и почти попали, лишь в самый последний момент судьба уберегла их от неприятностей... На лицах не было ни одной улыбки. И никому никого уже не хотелось подначивать.

Тяжелые сильные птицы, которые парили над землей, когда Никодимов, Мягков и их люди ехали сюда, переместились в станицу и теперь крутили медленные виражи над домами Петровки.

– Раз вопросов нет, прошу всех вернуться в казарму, на свои места, – миролюбиво произнес Мягков, – и носа за дверь во избежание неприятностей не казать.

– А ежели приспичит?

– Ежели приспичит, то – можно, – разрешил Мягков. – Теперь – разойдись!

Никодимов допрашивал командирский состав полка – по одному, допрашивал быстро и жестко, порою загоняя людей в сложное положение, задавал вопросы неожиданные, переключался с одного на другое, совершая повороты на девяносто и сто восемьдесят градусов, потом сопоставлял ответы и выискивал неточности – опыт по этой части был у него богатый.

Когда Мягков появился у Никодимова, тот допрашивал командира четвертой роты, – батальонов в полку не было, только роты, – тщедушного, с вялым больным лицом, бывшего штабс-капитана. Допрашиваемый ничего скрывать не стал, понял, что бесполезно.

Подтвердил, что в середине ночи полк собирался выступить в город, сообщил сведения совершенно новые – к полку должны будут присоединиться «камышовые коты» – пятьдесят человек, прячущиеся в лиманах, в глухих сомовьих местах, такое же выступление должно произойти и на бывшей территории Войска Донского.

На что рассчитывали восставшие, Мягков, честно говоря, не понимал. Возможно, существовал какой-то блистательный, умный, совершенно неожиданный план, подкрепленный выгодными оперативными обстоятельствами, но ни командир четвертой роты, ни его коллеги-краскомы о плане ничего не знали.

– Уже известны пароль с отзывом, которые будут действовать ночью, – надсаженным сиплым шепотом сообщил Никодимов Мягкову на ухо. – Вовремя мы наступили этому змеюгорынычу на хвост. Охо-хо, – побряхтел он неожиданно по-старчески, – хо! – Взясся обеими руками за спину, согнулся, разогнулся... Пояснил: – Это у меня с Карпат, с тамошних окопов. Зимовал в Первую мировую там, хребет застудил на всю оставшуюся жизнь.

Вскоре стало известно еще одно обстоятельство: «коты», обитающие в плавнях, должны будут получить сигнал с ветряка – старой, но еще способной скрипеть и молотить зерно мельницы, по сигналу этому покинуть свои камышовые норы и с оружием в руках двинуться в город – вешать большевиков.

– Подготовились, сволочи, – удивленно покачал головой Никодимов, – и неплохо подготовились... Коммунистов вешать задумали. Ну-ну!

Такие же показания дал командир хозяйственной роты, израненный простоватый мужик, в прошлом выбившийся в офицеры из унтеров, по происхождению из саратовских крестьян, плосколицый, со светлыми и прозрачными, как вода, глазами, перетянутый двойной кавалерийской портупеей, следом за ним – заместитель командира пулеметной команды.

Картина была ясная.

Правда, в картине этой не хватало одной персоны – командира полка Попогребского. Он исчез – словно бы сквозь землю провалился – ни в станице его не нашли, ни в городе, даже в Екатеринодаре по его поводу телефонировали, – там жил его брат, но и из Екатеринодара поступило короткое телеграфное сообщение: «Командир полка Попогребский у нас не появлялся».

Так где же он появлялся, где находится сейчас?

В этот день Мягкову везло невероятно – он вновь встретил Дашу. Судьба словно бы специально сталкивала этих двух людей, сводила в одном пространстве, в одном месте.

Даша, в легком платье, привычно покрытая красной косынкой, шла по улице, держа в руках пакет, свернутый из давней, здорово выгоревшей на солнце газеты. Был виден крупный рисованный заголовок издания «Кубанские областные ведомости». Бумага, казалось бы, должна была ссохнуться, стать ломкой, трескучей, но была она свежей, мягкой, прочной, словно бы ее только что вынули из-под валов бумагоделательной машины... Умели раньше производить продукцию, не то, что сейчас.

Увидев Дашу, Мягков не сдержался, улыбнулся широко, рукавом гимнастерки смахнул внезапно возникший на лбу горячий пот, а вот внутри у него, наоборот, возник некий томительный, сладостно-острекающий холодок.

Даша была крепче закаленного орденосца Василия Мягкова, никакой влаги на чистом загорелом лице, блеснула улыбка, глаза сделались радостными, большими, на ходу она развернула газетный кулек:

– Угощайтесь, Василий Семенович!

Вон ведь как, Дашенька, оказывается, даже его имя с отчеством знает! Мягков благодарно закрутил головой, заморгал, поймал себя на том, что может раскиснуть, но в следующий миг взял себя в руки.

– Угощайтесь!

В пакете темнела крупная ранняя черешня.

– Надо же, диво какое дивное, – Мягков заглянул в пакет и удивленно покачал головой. – Откуда, из каких сказочных краев?

– Да ребята-абадзехи к нам, в комитет комсомола, с гор привезли... У них черешня поспеваает рано – влаги там больше, солнце не так сушит, день на высоте длиннее, чем внизу. Угощайтесь, Василий Семенович!

Комендант аккуратным, почти робким движением подхватил одну лаково поблескивающую черешину, сунул в рот, сощурился от удовольствия – черешня была спелая, сладкая. Редко когда ранняя черешня бывает такой сладкой.

– М-м-м... – не сдержавшись, покрутил он головой от удовольствия.

– Берите, берите еще, Василий Семенович, – Даша протянула ему пакет, – берите больше. Жалко, газеты какой-нибудь нет, я бы отсыпала вам...

Мягкову показалось, что он может задохнуться от нежности, от тепла, возникшего внутри, от того, что в воздухе было слишком много солнца, свет солнечный подрагивал, колебался, переливался, то исчезая, то появляясь вновь. Мягков взял еще одну черешину, – крупную, темную, – отправил в рот.

– М-м-м!

– Нас в комитете комсомола предупредили: сегодня вечером мы поступаем в ваше распоряжение.

Коменданту показалось, что он не рассчитал свой шаг и на ходу налетел на какой-то жесткий штакетник, больно сделалось не только в груди, больно сделалось рукам и ногам. Косточка от съеденной черешни едва не застряла в горле.

– К-как? – неверяще спросил он. – Зачем? Ничего не понимаю...

Даша приподняла одно плечо.

– А я думала, вы знаете это лучше меня.

– Да вы же молодые, необстрелянные, пороха еще не нюхали... А там может быть такая стрельба, что воробьи от страха с деревьев будут сыпаться, как горох, – Мягкову показалось, что воротник гимнастерки слишком сильно сдавливает шею, он расстегнул верхний крючок. – Это глупость, Даша, не надо комсомолу участвовать в этой операции.

Радостное светлое состояние, в котором Мягков пребывал еще две минуты назад, исчезло.

– Такое решение принял секретарь городского комитета комсомола – выделить вам двадцать человек для участия в операции. Чтобы комсомольцы знали, чем пахнет война. – Мягков чуть не задохнулся от этих слов: какой же все-таки дурак сидит в молодежных жожаках... Тьфу! Даша вновь протянула кулек коменданту. – Вы ешьте, ешьте, не стесняйтесь.

– Спасибо, – Мягков отрицательно качнул головой. – Не то привыкну к разным сладостям, а это – роскошь, штука по революционным временам недозволённая.

– Еще секретарь решил воспитывать в революционном духе национальные кадры, – в операции будет принимать участие нацмолодежь.

Малых народов на этой земле было много – хакучи, убыхи, сванеты, горские евреи, бесленевцы, кабардинцы, абадзехи, – всех, наверное, не перечислить, но малые народы сейчас не интересовали Мягкова, его интересовала Даша – он боялся за нее. Пуля ведь дура, в таких операциях чаще всего погибают те, кто раньше никогда не слышал свиста пули. Они не знают совершенно, чего надо бояться, и в самые опасные минуты вместо того, чтобы совать голову в укрытие, открывают рот и с любопытством рассматривают место схватки.

Уроки войны не откладываются в крови, забываются быстро, память не передает их последующим поколениям, дети о том, что пережили их отцы и матери, не знают совершенно, только догадываются. Они ничему не научены.

И теперь вот какой-то недоумок из комитета комсомола решил необстрелянную молодежь сунуть под пули. А зачем, спрашивается, совать – не война же, впереди – мирное время... Много мирного времени. Надо срочно тормознуть эту воинствующую курицу и отменить приказ. Сам нюхач этот нюхал вообще когда-либо порох или нет? Интересно, как его фамилия?

– Как фамилия вашего секретаря? – спросил Мягков.

– Богомоллов.

Ну и ну! Комсомольцы считают себя безбожниками, а у предводителя их такая фамилия... Очень церковная. А может, это и к лучшему? Мягков лапнул себя за карман гимнастерки – есть там карандаш и бумага? Ни карандаша, ни бумаги не было, Мягков расстегнул медную пуговицу, залез внутрь, но это не помогло – ни карандаш, ни бумага от таких решительных действий не появились, и Мягков махнул рукой:

– Ладно, фамилию без карандаша запомню.

– Василий Семенович, не надо отменять приказ Богомоллова... Ну, пожалуйста! Молодые комсомольцы точно так же, как и вы, должны иметь боевой опыт. Хотя бы чуть-чуть, – Даша, подняв руку, свела вместе два тонких нежных пальца, потом приподняла один палец над другим, оставив крохотный зазор, – вот столько... Ладно?

– Нет, Даша, – Мягков покачал головой несогласно. – Нет и еще раз нет. Мужчины должны знать, чем пахнет порох, это для них обязательно, а для женщин совсем необязательно. У вас из двадцати человек половина явно женщины.

– Больше половины, – поколебавшись немного (не знала, говорить об этом или нет), сказала Даша.

Мягков поморщился.

– Это вообще никуда не годится, – произнес он с досадою. – Простите меня, Даша, мне надо к своим, – комендант развернулся стремительно и едва ли не бегом устремился к ближайшему телефонному аппарату, уже на бегу сообразил, что ближайший телефонный аппарат

находится у пограничников, в следующий миг тормознул и прокричал издали: – Даша, вечером вам разрешено находиться только дома и больше нигде.

В ответ Даша только рассмеялась и приподняла над головой газетный кулек с черешней:

– Василий Семенович, вы не доели ягоды!

– Это не ягоды, это – черешня, – Мягков вновь заскользил сапогами по горячей пыльной улице. Надо бы обзавестись матерчатыми сапогами, они и много легче, и нога в них хоть дышит малость, в кирзовых же и яловых не дышит совсем.

Секретаря горкома с «некомсомольской» фамилией Богомолов на месте не оказалось, секретарша его с резким, как у сверчка, голосом сообщила, что «товарищ секретарь находятся на подведомственной территории»... И чего ему делать на «подведомственной территории», траву косить, что ли? Сидел бы у себя в кабинете, собирал членские взносы, бил хлопущей мух, да, высунув язык от усердия, пыхтел бы над стенной газетой, придумывал заметки поострее. Ан, нет!

– Когда секретарь обещал быть на месте? – поинтересовался Мягков.

– Мне он не доложил, – проверещала секретарша, потом, поняв, что ответ ее получился грубым, добавила: – Это знает только он сам.

– Тьфу! – с досадой сплюнул Мягков и открутил назад ручку вызова – дал отбой.

Телефонный аппарат в комендатуре был новый, современный, Мягков мог им гордиться. Что, собственно, он и делал.

К сожалению, распоряжение, данное недалеким секретарем, только сам секретарь и может отменить – в комсомоле дисциплина такая же крепкая, с неукоснительными выполнениями приказов, как и у пограничников... Или почти такая же.

Через двадцать минут Мягков снова позвонил в комитет комсомола. В трубке, как и в прошлый раз, послышался сверчковый верещачий голос, такой тонкий, что он него резало ухо.

– Да и вряд ли он появится в ближайшие полтора часа, товарищ, – предупредила Мягкова исполнительная пишбарышня.

В трубке раздавалось звучное, с откатом, шипение, очень похожее на тяжелый шорох сползающего с берега мокрого песка, подмытого морской водой... Ну словно бы телефонный аппарат комсомольцев стоял где-то на открытой косе, любовался синей рябью волн, поднятых неторопливым ветром, пересчитывал на небе невесомые сухие облачка.

Мягков с досадой повесил трубку: чертов секретарь! Девчонок решил послать под пули, не задумываясь о последствиях, а сам сейчас отсиживается небось где-нибудь в огороде со сладкими скороспелыми огурчиками, хрумкает их аппетитно, пузо толстое набивает. Тьфу!

Либо вообще умотал из городка куда-нибудь к бесленеевцам делиться мудрыми мыслями, позаимствованными у других людей. Еще раз тьфу!

Места здешние интересные, плавни больше похожи на мокрые африканские джунгли, чем на плавни; что же касается разной живности, то водятся там не только камышовые коты, больше похожие на волков, чем на котов, и такие же, как и волки свирепые, но и всякая ядовитая пакость – гадюки, толстопузики, серые пауки толщиной в кулак, от укуса которых погибают не только люди, но и коровы, – кусаются пауки, как собаки.

Сколько может прятаться в плавнях людей, днество там, чтобы потом ночью выкатываться на большую дорогу по своим разбойным надобностям?

Пятьдесят человек, шестьдесят? Может, гораздо больше – и сто, и сто пятьдесят человек... Мягков обеспокоенно потряс головой – а ведь «камышовые коты» эти могут иметь на вооружении не только винтовки с карабинами, но и пулеметы. Пулемет – оружие серьезное... Выходит, надо делать засаду. И не одну. На дороге, в промежуточной части ее, при въезде в город, в комендантской роте, возглавляемой Ряповским, в станице Петровской, в пограничной комендатуре, у чекистов, – в общем, мест, где могут появиться «камышовые коты», много.

Мягков снова позвонил в комитет комсомола, трубку подняла секретарша со сверчковым голосом, сделала это в тот же миг, едва на столе у нее затренькал телефонный аппарат. Начальник ее, – секретарь, – продолжал заниматься прежним своим делом, совершенно бесполезным, на взгляд коменданта, – воспитывал национальную молодежь Кубани и Северного Кавказа в традициях революционных драчек: кто кому фингал под глазом поставит, тот и прав. Мягков выругался и нахлобучил телефонную трубку на рогатый сундучок аппарата.

Лучше бы занялся секретарь полезными вещами – например, археологической наукой или изучением грязевых нарывов. В районе у них полно вулканических мест, где на поверхность выплескивается горячая грязь, издает шлепающие мокрые звуки, в промоинах вспухают пузыри, лопаются с громким шелканьем, в нарывах раздается глухое колдовское бормотание, иногда рождаются целые вулканы – небольшие, правда, – которые местный люд зовет сальзами.

Во время извержений сальзы выбрасывают на поверхность вместе с грязью древние вещи – обросшие зеленой коростой бронзовые зеркала, гребни, шкатулки, украшения, светильники, монеты, плоски для мазей, чашки, обломки мебели, мраморные статуэтки... Если все это собрать вместе, получится внушительная музейная коллекция.

Вот бы чем заняться комсомольскому секретарю, а не примирением хакучей с абадзехами, они и без него помирятся. Если, конечно, сочтут это дело нужным.

Иногда сальзы попадают крупные, пытаются устремиться к облакам – на Таманском полуострове, недалеко от Темрюка они достигают ста пятидесяти метров высоты, есть крупные сальзы и в других местах. Ахтанизовская блевака, например, имеет высоту сто с лишним метров (слово-то какое – блевака, а?). Мягков интересовался этой блевакой специально, книжки кое-какие в Екатеринодаре полистал, вычитал, что высота ее равняется тремстам шестидесяти футам...

Но фут – мера старорежимная, из обихода уже вышла, один фут – это треть метра, вернее, чуть более трети метра, вот и считайте, дорогие товарищи, как высоко вспучился над землей этот дурной нарыв – Ахтанизовская блевака. В метрах считайте, согласно современным революционным требованиям.

И название у нарыва какое сочное, выразительное, даже закашляться хочется – блевака. Выблевывает, значит, из себя посторонние предметы, грязь, дурной воздух, сгнившие камни, останки древних животных, еще что-то.

Очередной звонок в комитет комсомола ничего не дал, Мягков не сдержался, выругался, ощутил под сердцем страшную холодную пустоту.

Выглянул в окошко: ну, как там жара? Жара не спадала, городок их был пуст.

Это хорошо, что на улицах – ни единой души, это на руку. Все перемещения, выбор огневых точек, установку пулеметов нужно делать скрытно, чтобы ни один взгляд, – тем более, взгляд вражий, – не засек это.

Может быть, даже и меловые кресты они стерли рано, – пусть бы красовались на воротах, – а за воротами можно было поставить опытных стрелков и достойно встретить непрошенных гостей.

Но кресты уже стерты – нет их.

И комендатура и штаб пограничного отряда действовать уже приготовились, подкатили к окнам пулеметы, распаковали ящики с лентами, набитыми патронами, были также осмотрены въезды в город, выбраны наиболее выгодные точки для встречи «дорогих гостей», проверены места засад и дорожки, по которым непрошеные визитеры будут драпать.

Сил, конечно, в городе было маловато, но на то, чтобы подоспела помощь, времени не оставалось совершенно, надо было обходиться своими силами, теми, что у них имелись.

Поразмышляв немного, Мягков обошел десяток домов, где жили бывшие буденовцы, попросил поддержать пограничников в случае нападения на город, – ни один из боевых рубак

коменданту не отказал, – буденовцы хорошо понимали, что будет, если «камышовые коты» вздумают прополоть пулеметами городские улочки.

Раскаленный донелзя день перевалил уже на вторую половину, солнце, кажется, лопнуло и как гигантский яичный желток разлилось по всему небу. Небо сделалось необыкновенно ярким и почему-то тяжелым. Было понятно как Божий день – что-то должно случиться.

Мягков еще дважды звонил в комсомольский комитет – бесполезно, Богомоллов как сквозь землю провалился, комендант даже попытался отменить его приказ о «мобилизации», для этого прискакал на Гнедке в роскошное барское здание, занятое комсомольцами на берегу моря, но попытка оказалась тщетной – отменить приказ мог только сам секретарь.

Впрочем, до часа «икс», до полуночи, когда ожидалось нашествие «камышовых котов», время еще было, – значит, секретарь еще мог объявиться.

Медленно тянулось время. Температура поднялась настолько, что пыль ошпарила ноги одному пацаненку до волдырей. Орал пацаненок на всю улицу.

В общем, погода стояла лихая, жара, похоже, не собиралась схлынуть и ночью – все так же будет припекать, хотя солнышко завалится на сон грядущий в постель, расположенную по ту сторону моря, и очнется лишь на рассвете.

К вечеру стало сильно пахнуть цветами. Цветы в их городке росли в каждом палисаднике, – росли самые разные, комендант в их сортах не разбирался. Разбирался только в их колере, в окраске: белые, голубые, желтые, красные и так далее, середки почти у всех были сродни яичным желткам, иногда встречались коричневые середки. Мягков вновь вспомнил Дашу – в который уж раз; чтобы не размякать, постарался перевести мысли на что-нибудь другое.

Он находился на окраине города, на дороге, по которой должны были пойти «камышовые коты», прикидывал, где лучше было посадить засаду с ручным английским пулеметом, замаскировать ее, а потом вдруг поднял своего мирного вислогубого Гнедка на дыбы и поскакал в комендатуру – Даша по-прежнему не выходила из головы, судьба ее тревожила Мягкова.

В комендатуре он снова набрал номер комитета комсомола – секретаря там по-прежнему не было.

– И что, он так и не появлялся? – неверяще спросил Мягков.

– Не появлялся, – послышалось сверчковое верещание, – хотя эти вещи я не обязана вам докладывать.

Ближе к закату, когда огромное красное солнце зависло над линией горизонта, действительно сделалось жарче, опытный Мягков угадал правильно, – днем с моря приносился слабенький ветерок, продувал пространство, а сейчас воздух застыл, обратился в горячее желе, всякий человек оказывался в нем стиснут, спеленут по рукам и ногам – даже пошевелиться было нельзя, таким плотным делалось пространство.

Хотя комары, например, чувствовали себя вольготно, свободно, без усилий, перемещались с места на место, кусались по-собачьи зло, пили кровь, сводили с ума местных коз, собаки трусливо прятались от них, поглубже забирались в будки, запечатывались там – не достать, еще слепни шарились по палисадникам, искали клиентов, из которых можно было бы выпустить кровь.

Слепни в здешних местах были какие-то мелкие, словно бы выжаренные солнцем, выродившиеся – умирающее племя, а не слепни, – но кусались эти «умирающие» почище собак, иной экземпляр размером не больше мухи мог запросто прокусить яловый сапог. Вот такие звери обитали в окрестностях их городка.

Правда, слепни и оводы на севере, где доводилось бывать Мягкову, попадались в несколько раз крупнее, летали они, как свинцовые пули, просечь живую плоть могли насквозь.

Комендант снова уселся на своего покорного Гнедка и поскакал в роту Ряповского – надо было подготовить встречу и там.

Чекисты тем временем выяснили, что в комендантской роте был только один нормальный краском, не продавшийся, – командир взвода Слонов, к нему претензий не было никаких, да и не принадлежал он к бывшим офицерам, в роте появился всего два дня назад и в игры, которыми тешились краскомы, не играл.

По происхождению Слонов был из мещан, отец его, красноармеец, погиб при форсировании Сиваша, в Екатеринодаре младший Слонов с отличием закончил командирскую школу и был прислан в полк Попогребского.

Мягкову он понравился – открытое лицо, честный взгляд, трудной работы не чурается, может взяться за всякую... Хороший парень, в общем.

Слонов с красной повязкой на рукаве расположился в просторной комнате дежурного, в помощники к нему было определено два человека, один из службы Мягкова, сообразительный парень по фамилии Клевец, второй, глазастый и рукастый, очень толковый стрелок, был из чекистов.

– Ну как, к встрече любителей кормить комаров в плавнях готовы? – спросил Мягков у чекиста.

– На сто пятьдесят процентов, – бодро отозвался тот.

– А ты, Клевец?

– Тоже на все сто пятьдесят.

– Молодцы! – похвалил Мягков помощников дежурного. – Комсомольский секретарь случайно на глаза никому не попадался?

Чекист отрицательно покачал головой.

– И мне нет, – сказал Клевец.

Дежурный краском вообще ничего не ответил на это, комсомольского секретаря он ни разу в жизни не видел в глаза, даже не знал, мужчина это или женщина?

– Что, набедокурил он чего-нибудь, да?

– Вроде того...

– Видел я его пару раз в щекотливых ситуациях, – Клевец не удержался, хмыкнул. – В атаку с ним я бы не пошел.

– Об этом сейчас не будем, – покосившись на чекиста, строго проговорил Мягков.

– А в чем он провинился, товарищ командир?

– Дурак он, тем и провинился. Решил нам в помощь прислать девчонок, которые не отличают винтовку от лошадиного хомута, а саблю от шенкелей. Ни разу в бою девчата не были.

– Жалко девчонок, – искренне проговорил Клевец, – на пулю им наткнуться – проще пареной репы.

Мягков поводит головой из стороны в сторону, сглотнул скопившуюся в горле сухость, покашлял в кулак, – ну, словно бы с силами собирался, которых у него не было.

– Готовность номер раз – в двадцать три тридцать, – наконец произнес он.

«Готовность номер раз» на языке Мягкова означала высшую степень готовности, следующая ступень уже предполагала команду «Пли!» и нажим указательного пальца на спусковой крючок винтовки. Лицо Клевца сделалось серьезным: коменданту он верил, тот впустую бросаться словами не будет.

Проверкой своей Мягков остался доволен: здесь ребята встретят художников-специалистов по меловым крестам как положено, только красная выюшка, да выбитые зубы будут летать по воздуху...

Легко вскочив на Гнедка, Мягков поскакал в комендатуру.

Комсомольский секретарь на работе так и не появился, он словно бы провалился сквозь землю, либо взлетел на небеса – недаром носил фамилию Богомоллов.

Мягков готов был съездить ему кулаком по шее и наверняка бы одарил парой ударов, да только человек этот никак не попадался ему на глаза.

Впрочем, дело это было временным – в конце концов он обязательно попадетсЯ...

Вечер опускался на землю удручающе медленно, жара делала время каким-то безразмерным, резиновым, под ногами в пыли с громким треском взрывались электрические искры.

Громко, будто работающие пилы, кричали цикады, от резкого протяжного звука их в ушах возникала глухота, да еще боль начинала ломить виски – от боли этой сильно страдали люди, имевшие в прошлом ранения в голову.

Около темных, обвядших за день деревьев носились, творя замысловатые зигзаги, летучие мыши.

Городок замер. Люди чувствовали: должно что-то произойти. Но что именно? Этого никто не знал. Хотя понятно было одно – ничего хорошего не произойдет. Этого даже ожидать не следует.

Сквозь листья деревьев ярко, будто дорогие камни, посверкивали звезды, подмигивали земле, людям – то ли заигрывали, стремясь стать ближе, то ли предупреждали о чем-то.

В половине двенадцатого ночи, в расположении роты Ряповского, в проходной, показался человек, на плече у которого гнездилась похожая на длинную узловатую чурку коряга, завернутая в промасленную холстину, часовой пропустил позднего гостя в дежурную комнату, находившуюся за стенкой, тот прошел и, отдуваясь озабоченно, стащил корягу с плеча:

– У-уф! – Стер рукою пот со лба, огляделся и назвал пароль: – Через два дня наступит полнолуние.

Клевец, поправив ремень с тяжело провисшей кобурой, отозвался:

– Это хорошо. Осенью вырастет богатый хлеб.

Пришедший кивнул – отзыв был правильный, напряжение, проступившее на его лице (даже желваки вспухли твердыми буграми на щеках), ослабло. Он поинтересовался хриплым голосом:

– Куда идти дальше?

Клевец ткнул пальцем в небольшой, слабо освещенный коридор:

– Туда!

В ответ снова последовал послушный кивок, сопровождаемый вторым вопросом:

– Собираемся там?

– Там, – бодро ответил Клевец.

– Это хорошо, – не удержался пришедший, – наконец-то мы свернем голову власти нестиранных портянок... А то ждать уже устали.

Он подхватил пулемет и с довольной улыбкой проследовал в комнату, где его поджидали два хмурых командира, Никодимов и Мягков, и два вооруженных револьверами бойца. Пришедший даже ахнуть не успел, как пулемет у него выдернули из рук и усадили на скамью между двумя командирами.

– Ну, контра, сообщи-ка нам для начала свою фамилию, – потребовал Никодимов.

Пришедший дернулся, чтобы соскочить со скамейки, но командиры удержали его.

– Спокойно, без суеты, – предупредил Мягков. – Суетиться на том свете будешь, чтобы попасть в нужное отделение. Понял?

Лицо пришедшего сделалось белым, как бумага. Он с шумом втянул в себя воздух, неверяще помотал головой – даже мысли не мог себе допустить неудачливый пулеметчик, что находится в ловушке.

– Рассказывай, все рассказывай, что знаешь про контрреволюционную организацию, в которой состоишь, – велел Никодимов, – только так ты сумеешь сохранить себе жизнь... Понял?

Через несколько минут в дежурном помещении появился второй посетитель. Мягков не выдержал, привстал на скамье и приветственно приподнял форменную фуражку. Это был старый знакомый – портной Гиви. Только наряжен он был сейчас не в модный, тщательно отутюженный костюм, не в галстук-бабочку, словно бы приклеенную к низу подбородка, а в простой рубчиковый пиджак с тяжело отвисшими карманами. В карманах явно было оружие.

Один из бойцов шагнул к Гиви, бесцеремонно засунул руку в правый карман, извлек оттуда пистолет.

– Решили малость пострелять, господин Гиви? – насмешливо поинтересовался Мягков.

– Ды-а в-вот, д-ды-ы... – у Гиви безвольно отвисла нижняя челюсть, дальше он не смог говорить. Из выпученных глаз покатались крупные слезы, смешались с потом, обильно полившимся с лица, слова сменило невнятное мычание.

Из второго кармана боец выгреб у него патроны, пару пригоршен – штук пятьдесят.

– Неплохо, однако, – прокомментировал Мягков, – целый патронный завод. И на кого же, сударь, вы собрались охотиться?

– Ды-ы-ы... – Гиви никак не мог справиться с навалившейся немотой – одна щека у него задергалась нервно, слезы из глаз покатались сильнее.

– Ну что ж, – Мягков хмыкнул, – подождем, когда обретете речь и сможете... – комендант сделал пальцами выразительное округлое движение, – сможете говорить правду и только правду. – Он перевел взгляд на бойцов. – Давайте-ка этого короля наперстка и швейной машинки «зингер» в накопитель. Пусть малость посидит, подумает, как вести себя дальше.

Гиви задергался было, но бойцы подхватили его под микитки и буквально по воздуху, на весу, перенесли в соседнее помещение.

– По национальности Гиви – осетин, а имя носит грузинское, – сказал комендант, повернувшись к Никодимову. – С чего бы это, а?

Никодимов промолчал.

Бревенчатый ветряк был виден далеко – здания выше мельницы в станице не было, поэтому световой сигнал, – три проблеска, поданные фонарем «летучая мышь», не разглядеть мог, наверное, только слепой.

Сигнал из Петровки в плавни подали вовремя, минута в минуту, спустя короткое время повторили, хотя с выходом из плавней «камышовые коты» замешкались.

Предводитель «котов» штабс-капитан Тихоненко придержал своих подопечных специально.

– Особо торопиться не будем, – сказал он, – пусть полковник со своими бойцами поработает в городе, повесит десятка два большевиков – самых главных, а мы довешаем остальных и, соответственно, примем участие в заключительном акте.

Такую позицию штабс-капитана обитатели лиманных зарослей поддерживали – подставлять свои головы под чекистские пули им не хотелось.

«Камышовые коты» проверили оружие, на плечи навесили мешки, переделанные в котомки, – кто знает, может, они уходят из этих обрыдлых мест навсегда, в городе, в порту определятся на захваченные суда и уплывут в Турцию, либо осядут на захваченных квартирах, так что оставлять здесь кровное, с трудом нажитое барахло не следует, все надо брать с собой.

Штабс-капитан Тихоненко на этот счет молчал, не высказывался, а раз не высказывался, то, значит, такую позицию поддерживал.

– Ну что, будем выступать или подождем еще малость? – спросил он у своего заместителя, такого же пехотного штабс-капитана по фамилии Дзюба, человека желчного – у него

даже кожа на лице и руках была пропитана чем-то горьким, пергаментно желтела и нехорошо шелушилась. – А?

Дзюба отер рукою лицо и неожиданно покладисто кивнул – надоело штабс-капитану сидеть в плавнях, кормить комаров и ловить на печеных лягушек жирных местных сомов. Проговорил витиевато, будто городской поэт, окруженный на балу в дворянском собрании привлекательными девицами:

– Пора покидать этот жалкий приют, где просьбы о хлебе ничего не значат.

Удивленно покачав головой, Тихоненко засмеялся: надо же, как разошелся боевой соратник – Пушкин прямо-таки, Державин Гавриил Романович, Афанасий Фет, Тютчев... Раз Дзюба говорит стихами, значит, чувствует победу, Дзюба понапрасну под Фета подделываться не будет. Это Тихоненко знал точно и скомандовал голосом, сделавшимся, как в прежние годы, когда под его началом находился ударный батальон, звонким, молодым, наполненным сочными бронзовыми нотками:

– Вперед!

Потихоньку, стараясь ступать шаг в шаг, одолев две густо заросшие протоки, отряд «камышовых котов» добрался до главного канала, также сильно заросшего, пахнущего гнилью, заляпанного слизью прелых растений (люди Тихоненко специально не трогали его, канал выполнял роль маскировщика, прикрывал следы), и, пройдя по воде метров двести пятьдесят, выбрались на берег.

Вода в канале мелкая, дно плотное, нога не увязала в нем, как, допустим, в Ахтарском лимане – там можно было увязнуть по шею, без посторонней помощи вообще не выбраться, а тут совсем другое дело: если человек был повыше ростом и сапоги имел длиннее обычных, то мог выйти из плавней с сухими ногами.

На берегу, отряхнувшись, почистив мундир, сбив с него камышовые остья, Тихоненко вытащил из кармана часы, прикрепленные к серебряной цепочке, глянул на циферблат. Проговорил спокойно, размеренно, словно бы речь шла о чем-то рядовом, свершавшемся каждый день:

– Надо полагать, полковник Попогребский уже перевешал всех большевиков в городе.

– Не уверен, Сергей Сидорович, – заметил Дзюба, стоявший рядом, также вытащил из кармана часы, щелкнул крышкой. – Попогребский – не из тех людей, которые любят таскать каштаны из огня собственными руками.

– Надеемся, что ситуация заставит его это сделать, – Тихоненко хмыкнул и спрятал часы в нагрудный карман. – У Попогребского выхода нет – только вешать. Иначе большевики повесят его самого. Арифметика простая, – штабс-капитан хмыкнул еще раз и призывно махнул рукой: – За мной!

На ходу Дзюба оглянулся – хотел послать плавням прощальный привет, но в дрожащей горячей темноте ничего не увидел – все поглотила черная стенка камышей, – проговорил глухо:

– Надеюсь, Сергей Сидорович, сюда мы больше не вернемся?

В ответ прозвучало философское, хорошо известное в России:

– На Бога надейся, а сам не плошай...

Сила, вываливающаяся сейчас из камышовых джунглей, была опасная, злая, хорошо вооруженная, только одних пулеметов – английских, ручных, с большим запасом патронов, было у идущих четыре.

А четыре пулеметных ствола могут запросто перевернуть мир. Тихоненко эту силу ощущал и понимал, что способен принести большевикам урон не меньший, чем Попогребский со своим полком. Недаром же философы болтают о месте личности в истории – один человек, если на его стороне Господь Бог, может стать великой силой, – и они правы.

Так и он, штабс-капитан Тихоненко, солдат, который до сих пор не снял со своего кителя погон, не сдался, станет исторической личностью, известным человеком...

Он знал, что нити этого восстания ведут в Екатеринодар, в центр Кубанской области, а из Екатеринодара – дальше, что им обещали свою поддержку англичане, а три французских фрегата, что сейчас стоят у берегов Турции, готовы по первому же сигналу рвануться в Совдепию, поддержать своими пушками борцов за вольную Россию.

На лице Тихоненко возникла торжествующая улыбка.

Он шел впереди колонны «камышовых котов» и победно улыбался. О том, что смеется тот, кто смеется последним, – есть такая мудрая русская пословица, – штабс-капитан не думал.

Конечно, ему, как командиру, могли подвести коня, – это было несложно, – но он был доволен тем, что идет вместе со всеми пешком, хорошо видная в темноте колея ловит свет звезд, льющийся с неба, мерцает таинственно, отзывается ответным свечением, ласкает душу.

Ах, какая хорошая штука – размять себе ноги, почувствовать твердую землю. Ведь в плавнях особо не поразминаешься, по твердине не походишь, гимнастику не поделаешь.

Ради только одного этого стоит пройтись по твердой надежной земле, чтобы почувствовать собственные мышцы, он готов был отказаться не только от лошади, – даже от автомобиля.

Хорошо было ощущать себя на твердой ночной земле, было просторно, мысли высокие приходили в голову, над головой победно звенели звезды, перемигивались. Тихоненко чувствовал себя счастливым человеком.

В караульном помещении роты Ряповского продолжали появляться люди, все как один с оружием, решительные, с блестящими от мстительного возбуждения глазами и сжатыми погладаторски кулаками. Воины, словом.

Глядя на них, Мягков невольно задавался вопросом: неужели всем им так здорово насолила советская власть, иначе с чего бы им взяться за стволы?

У них что, отняты фабрики, пароходы, банки, рыбацкие тони в Азовском море, пристани на быстроходной Кубани? Один из мятежников по виду был гимназистом младших классов, малолеткой с русой челкой, спадающей на лоб и невинным взглядом только что проснувшегося ягненка, гимназист этот отличился больше всех – приволок целые три винтовки, завернутые в ткань из-под старого матраса, – правда, без патронов (и слава богу) – ну чего худого ему сделала советская власть?

Гимназист мигом скис, как только Никодимов предъявил ему свое удостоверение, – невинный взор замутили слезы, руки задрожали, лицо постарело на глазах. Никодимов все понял и рявкнул громовым голосом:

– А ну вон отсюда, паценок! И никогда больше не попадайся на глаза!

Это гимназист усвоил мгновенно и в следующую минуту исчез. Завернутые в грязную матрасную ткань винтовки остались валяться на полу караульного помещения.

Но таких, как гимназист, было мало, гораздо больше набилось людей, похожих на портного Гиви – с жадными глазами, желающих ухватить кусок чего-нибудь жирного и блестящего – вот это достойная цель! – и совсем неважно, у какой власти они этот кусок откусят, у большевиков ли, у анархистов или кадетов, присягнувших царю уже после его падения, у черных или зеленых... Один хрен, в общем. Главное, – заполучить этот кусман, а там хоть трава на родных могилах не расти...

Мягков сел напротив Гиви, некоторое время смотрел на него молча, потом поинтересовался угрюмым тоном:

– Оружие где, Гиви, взял?

Гиви шмыгнул носом, будто школьник, отвел взгляд в сторону и промямлил едва слышно:

– Нашел!

– Це-це-це-це! – недоверчиво поцецекал языком пограничный комендант. – И патроны тоже, конечно, нашел?

– Патроны тоже нашел.

– А бумажку с паролем и отзывом где взял?

Гиви согнулся, в горле у него что-то булькнуло, лицо болезненно передернулось – чувствовал себя портной неважно.

– Чего молчишь? – Мягков удрученно покачал головой: портной так же, как и гимназист, не походил на мятежника. Произнес с упреком: – Сидел бы у себя за портняжным столом, вертел бы колесо «зингера», ан нет, – на приключения потянуло любезного. Теперь пойдешь под суд.

Гиви всхлипнул. Мятежник из него был никудышный, максимум, где он мог устроить мятеж – у себя на кухне, перед женой, отругать ее за тухлую яичницу или небрежно вымытые абрикосы, из которых на тарелку вылез червяк. Мягкову сделалось жаль этого человека. А с другой стороны, чего его жалеть? Вряд ли Гиви Цогоев стал жалеть его, когда, ориентируясь на крест, нарисованный на воротах, поднял бы ночью с постели и без особых раздумий всадил бы пару пуль в живот. А затем как ни в чем не бывало двинулся бы дальше.

Было над чем задуматься. Гиви, поняв, что за мысли крутятся в голове пограничного начальника, сторбился еще больше.

За дверью послышался шум, торопливый топот ног. Мягков насторожился. На всякий случай положил руку на кобуру нагана. Стрелять он умел быстро – вряд ли кто в отряде мог соперничать с ним в ловкости и скорости стрельбы. Пока другой будет зевать и чесаться, раскрывать рот в сонных всхлипах и искать глазами цель, Мягков успеет и кобуру расстегнуть, и наган выдернуть, и курок взвести, и выстрелить не менее двух раз. Это было проверено многократно. И в меткости Мягкову отказать было нельзя.

В двери накопителя внезапно возник Ломакин. Честно говоря, Мягков не ожидал увидеть его здесь, думал, что Ломакин окружает сейчас станицу заставами, расставляет пулеметы, чтобы достойно встретить шелудивых «котов», идущих сюда из плавней, а пока те не подошли, выуживает из потайных углов спрятавшуюся там контру и прежде всего командира полка Попогребского, предавшего их.

Но, оказывается, нет, Ломакин остался в городе.

Следом за Ломакиным в помещение вошел плотный человек с седыми усами, в светлой парусиновой фуражке, внимательно осмотрел присутствующих. Как знал Мягков, это новый начальник городской чека, приехал сюда всего лишь позавчера. Мягков поднялся со скамейки.

– Мягков, – начальник отряда озадаченно потер ладонью литой, твердый, как чугун затылок. – Собирайся-ка в Петровку. Там сейчас нужен очень опытный командир.

«А здесь разве опытные командиры не нужны?» – хотел спросить Мягков, но не спросил, промолчал. Здесь они, может быть, нужны более чем там.

Молча приложив руку к козырьку форменной фуражки, Мягков вышел из помещения. Начальству виднее, где подчиненному быть, а где не быть. Если надо быть в станице, то, значит, там надо быть.

Ночь, кажется, сделалась немного светлее, а может, Мягкову это только показалось... Он подумал о Даше – хорошо, что никто из комсомольцев не обозначился, а раз не появился, то, возможно, комсомольский секретарь вновь обрел разум и отменил свое распоряжение. Мягков отер потное лицо и пошел к своему Гнедку, томящемуся у коновязи.

Неплохой, конечно, конь Гнедок, хотя и числится в меринах, Мягков начал уже привыкать к нему, но Орлик лучше. Скорее бы уж он вышел из рук конских экскулапов...

Все свободные от дежурств и нарядов бойцы пограничного отряда были брошены в станицу. Кто-то распустил слух о том, что из плавней вылезает целая армия белых, и Ломакин, а вместе с ним, похоже, и новый председатель чека поверили в это, иначе не было бы суеты, как под Бородино в восемьсот двенадцатом году.

На пути следования «камышовых котов» выставили двух сигнальщиков, те уже подали условный знак: «Идут!»

Раз идут, то, значит, минут через двадцать пять, максимум через полчаса будут здесь.

Мягков спешно, галопом объехал засады. Проверил запасной заслон, поставленный на случай отступления «камышовых» котов, потом спешился и с винтовкой залег в цепи.

Потянулись мучительные минуты ожидания, очень тихие – от такой тиши фронтовика обычно гложут и ощущают себя не в своей тарелке, – Мягков не любил время затяжного ожидания, в голове обычно рождается тягостный звон, внутри все закисает, любил он другое время – стремительной громкой атаки.

Неожиданно за спиной Мягков услышал девчоночьи голоса, резко обернулся: что за черт! Уж не галлюцинации ли?

Нет, не галлюцинации. Мягков напрягся, стараясь разглядеть что-нибудь в темноте, различил несколько женских фигурок, одетых в светлое и его хриплым звоном пробила недобрая мысль: а ведь это комсомолки, поднятые дураком-руководителем и посланные на самую настоящую войну, и среди них находится и Даша Самойленко. Мягков от досады чуть не застонал.

– Да вы чего, девки? – просипел он сквозь сжатые зубы. – Сейчас тут стрельба начнется...

Он приподнялся и начал делать рукой резкие, прибывающие движения.

– Ложись! Ложись! – продолжал едва различимо сипеть Мягков, кричать он не мог – «камышовые коты» находились совсем рядом и, надо полагать, находятся они в таком заведенном состоянии, что стрелять начнут, не задумываясь.

Девушки, идущие к ним в темноте, ничего не видели, ничего не слышали, – как шли, ни на что не обращая внимания, так и продолжали идти. И вот ведь как – одеты во все светлое, заметное издали, будто собрались на праздник, и беспечность их – праздничная...

– Ложись, ложись! – продолжал сипеть Мягков, скрещивал над собою руки, старался привлечь к себе внимание – куда там, все было бесполезно.

Внутри у Мягкова возникла неясная тоска, такое с ним случалось, когда на его глазах погибал кто-нибудь из близких людей. Борьба с этой тоской было нечем, лекарств не существовало никаких, конец могла положить только пуля, но это не выход... Мягков вновь стиснуто, едва слышно застонал.

И как не застонать, когда среди этих приметных в ночи дурех находится и его Даша, – именно его, это так и никак иначе, – за несколько часов она сделалась ему дорогой, близкой, хотя он с нею, кажется, даже не успел перейти на «ты», для обычного человеческого сближения, когда люди начинают доверять друг другу, просто не хватило времени.

Что делать? Мягков оглянулся, взгляделся в темноту, из которой должны были вывалиться «камышовые коты», ему показалось, что он засек некое смятое шевеление в пространстве, перемещения с места на место, и если это так, то, значит, через минуту-полторы бандиты выйдут на линию, которую можно будет накрыть огнем.

Что делать?

Не знал Мягков, что делать. В конце концов не выдержал, отодвинул винтовку в сторону, вскочил и, пригибаясь низко, будто над ним уже плакали пули, побежал к комсомолкам.

В это время сзади треснула земля. Непонятно, что произошло – то ли у бойцов не выдержали нервы, то ли бандиты засекли нечто неладное и поспешно открыли стрельбу, то ли наступивший, приготовившийся к бою, с натянутыми нервами Мягков среагировал на грохот так болезненно... В общем, все могло быть.

Над головой коменданта просвистело несколько пуль, он выпрямился и тут же сгорбился, едва ли не ткнувшись грудью в землю, прокричал что было силы – у него чуть жилы на шее не лопнули:

– Стой, девчонки! Дальше нельзя!

Под ногами дернулась земля, по сапогам жестко хлестнула подбитая взрывом пыль, пространство осветилось мертвенным серым светом. За спиной кто-то кинул гранату. Мягков вновь пригнулся и привычно замахал рукой:

– Сюда нельзя! Назад!

В следующий миг Мягков вспомнил о своей винтовке, развернулся круто, споткнулся и едва не полетел на землю. Но все же на ногах удержался, выругался и прихрамывая на одну ногу, побежал к ней. Перед ним, совсем недалеко, начали вспыхивать оранжевые, красные, синеватые бутоны, словно бы в воздухе распускались и тут же сворачивались, угасали диковинные цветы.

Это били «камышовые коты», патроны у них были в основном заморские, разномастные, трассирующие, поэтому темное ночное пространство так быстро превратилось в занятый цветной ситец.

Чем раньше они свернут шею «камышовым котам», тем меньше будет потерь в толпе несчастных комсомолок... А потери уже были – из темноты доносились протяжные крики. Так надрывно, тоскливо, громко могут кричать только раненые люди. Это Мягков знал по своему опыту, по войне.

Он распластался около своей винтовки, в то же мгновение передернул затвор. Привычно, словно бы всегда занимался этим, подцепил стволом винтовки недалекий, особенно ярко распустившийся бутон и нажал на спусковой крючок.

Бутон в то же мгновение погас, сквозь грохот стрельбы прорезался вопль. Попал. В другой раз удачный выстрел вызвал бы в Мягкове ощущение какого-нибудь победного удовлетворения, а сейчас родились раздражение, злость и одновременно далекая обида, он снова передернул затвор винтовки, подхватил концом ствола второй распустившийся бутон и опять нажал пальцем на спусковой крючок винтовки.

И снова попал – дряблую плоть ночи всколыхнул бычий рев – видать, подстреленный был человеком нехилого телосложения, мог справиться со стадом коров.

В голове сидела тоскливая мысль: как там Даша? Где она? Не угодила ли под залпы «камышовых»? Он верил в то, что не угодила, но в голове все равно сидела, не исчезала тревожная мысль о Даше. Мягков кусал зубами губы и цеплялся стволом винтовки за очередную всполох огня.

Минут через десять «камышовые коты» попятиться – не прошли они через кордон, поставленный Мягковым, по обеим обочинам дороги стали отступать в темноту, и тут из ночи по ним ударили два пулемета задней засады.

Огонь был плотным, перекрестные струи свинца секли пространство и все, что в нем находилось, как капусту, мало кто из нападавших мог уцелеть в таком огне.

Понимая, что заслоны свое дело сделали, Мягков вновь отложил винтовку в сторону и бросился в темноту, туда, где осталась группа девушек-комсомолок.

Земля под ним кренилась неровно, уходя то в одну сторону, то в другую, уползала из-под ног, дважды комендант присел на четвереньки – почувствовал, что по нему стреляли из темноты, выстрелил ответно из нагана, – и через несколько минут наткнулся в темноте на лежащую девушку.

Девушка была мертва. Мягков опустился перед ней на колени и вслепую провел ладонью по волосам – ему показалось, что это была Даша. Но волосы у Даши были мягче, длиннее, они выбивались у Даши из-под косынки. А у этой девушки не могли выбиваться, она была острижена коротко, под мальчишку... Это была не Даша.

Мягков облегченно перевел дыхание. Один из пулеметов, работавших в задней засаде, смолк – то ли заклинило, то ли надо было вставлять новую ленту, отсюда не понять, что нужно делать, – но молчание пулемета вызвало у него беспокойство. Мягков прижался к земле и, вывернув голову, начал тщательно вглядываться в темноту.

Второй пулемет продолжал работать. Опытный пулеметчик бил экономно, короткими очередями, он видел то, чего не видел комендант, подхватывал цели на лету, на бегу, подстряхивал первого пулеметчика, ожидая, когда тот справится со своим «максимом».

Со вторым пулеметчиком повезло – если бы еще и его «максим» умолк, тогда пиши пропало, Мягков, как командир группы, мог угодить под ревтрибунал.

Полторы минуты, пока молчал первый пулемет, вызвали у Мягкова жжение под лопаткой, сильное жжение, – показалось, что ему ножом проткнули спину, пытались достать до сердца. Комендант протестующе стиснул зубы: «Не-ет...»

Наконец заработал первый пулемет, и обрадованный Мягков ладонью сгреб со лба горячий пот. Боль, возникшая в сердце, начала понемногу отступать, комок, возникший в глотке – комендант даже не заметил, как тот возник, – рассосался сам по себе.

Взглянув напоследок на мертвую девушку, – лицо ее в вязкой душной темноте почти светилось, картина была нереальной, – Мягков переместился дальше: увидел еще одну фигурку, лежавшую на земле без движения. Выматерился – ну, куда же вы, дурехи, полезли? Эх, оторвать бы голову вашему непутевому предводителю! Тьфу!

Через несколько мгновений он оказался около второго тела. Сдавил зубы, нижнюю губу прокусил до крови, внутри вновь возникло что-то нехорошее, острекающее: а вдруг это Даша?

Нет, это была не Даша. Мягков втянул в себя сквозь зубы воздух, выдохнул резко и двинулся дальше.

Дашу он нашел через полторы минуты: комсомольская группа почти целиком попала под первые залпы «камышовых котлов» и легла прямо на дороге.

Даша была еще жива, она узнала Мягкова, улыбнулась слабо, очень испуганно, прошептала едва слышно:

– Это вы?

– Я, Даша, я! Ты не тревожься, я тебя сейчас к врачу доставлю. Потерпи, Даш!

В темноте было хорошо видно, как на лице Даши показалась кровь – вытекла из-под крыла носа, пролилась на щеку, оттуда тонкой струйкой – вниз, на шею.

– Вы только моей маме ничего не говорите, – прошептала Даша, – прошу вас.

Пулеметы к этой минуте смолкли – видать, с «камышовыми» было уже покончено, часть их положили, часть вернулась в плавни, – наступила звонкая, ломающая виски тишина, через несколько мгновений сквозь эту болезненную тишину прорезалась тихая птичья песня.

Какая-то ночная птичка, которой не было никакого дела ни до войны, ни до человеческой боли, заливалась вовсю, растворенная в ночной темноте, веселая, легкая и, наверное, одинокая, – призывала к себе подружку, поскольку не положено в одиночестве коротать время, положено жить только вдвоем, в паре. Мягков застонал оглушенно, подергал головой.

– Не говорите маме, пожалуйста, – едва слышно прошептала Даша, – прошу вас...

Сзади, за спиной, послышался громкий говор – бойцы поднимались со своих мест, перекликались, начали передвигаться по дороге, совсем не опасаясь того, что какой-нибудь подстреленный бандит очнется и вслепую пальнет на голос, – значит, все, с «камышовыми» было покончено, это финиш, теперь надо было как можно быстрее доставить Дашу в город, к доктору.

В штабе отряда имелось два толковых доктора, Ломакин позаботился, привез их с собой, оба – специалисты по ранениям, народу спасли много, не дали уйти на тот свет. Мягков выпрямился, оглянулся на говор.

Совсем недалеко, метрах в двадцати от коменданта, двое бойцов наткнулись на убитую комсомолку, один из них не выдержал, выматерился, второй произнес подавленно, с удрученным удивлением:

– Надо же, девчонку положили, не пожалели, белорылые мерзавцы.

– Положить надо было бы того, кто послал ее сюда.

– Товарищи, подойдите кто-нибудь ко мне! – позвал Мягков.

– Никак комендант? – нерешительно проговорил второй боец. – Это вы, товарищ комендант?

– Я. Подойдите ко мне, здесь раненая.

– Ничего не надо, – прошептала Даша едва слышно, неразличимо, но Мягков различил ее шепот среди других звуков, разобрал слова. – Вы только маме ничего не говорите, – вновь попросила Даша.

Господи, от этих простых слов из глаз могут невольно потечь слезы. Чтобы этого не произошло, он невольно сжал зубы. Дашину маму он не знал совершенно, никогда не видел ее, не знает, как она выглядит, если встретит на улице – не обратит внимания.

Одна деталь: Даша говорит только о маме, об отце не говорит совершенно, – значит, отца у нее нет... Выходит, так. Скорее всего, отец у Даши погиб.

Мягкову многое надо было бы узнать у Даши, во многом расспросить – все это еще впереди. Впереди...

Как же ему не хотелось, чтобы девчонки-комсомолки принимали участие в операции, как он ругал дурака-секретаря... И откуда же он узнал, что нынешней ночью пограничники, чекисты, ревкомовцы будут ликвидировать подполье, кто посвятил его в военные секреты, о которых и знали-то всего несколько человек? Этим делом должен заняться следователь, разобраться во всем досконально, а молодежный поводырь – ответить за погибших.

Только убитых девчонок уже не вернуть.

– Товарищ комендант, – подал голос один из бойцов, – а, товарищ комендант!

Голос звучал неясно, приносился словно бы из далекого далека, Мягков, кажется, даже не расслышал его, но засек внутренним чутьем, вскинул голову, попросил:

– Подгоните сюда повозку!

Бойцы растворились в ночном мраке – только что стояли рядом, участливо склонившись на раненой Дашей, – и вдруг исчезли.

Ночное небо немного прояснело – наверное, из-за того, что свет звезд сделался ярче, – на фоне его неподвижными черными силуэтами, похожими на огромных недобрых великанов, выделялись деревья. Одинокая птица, певшая неподалеку, нашла себе напарницу, к ним присоединился третий голос, чистый, нежный, способный выводить соловьиные трели.

Из кармана Мягков достал старенький носовой платок, – чистый, платки свои Мягков стирал каждый день и соблюдал этот обряд строго, – стер Даше кровь с лица.

Если засохнет – оттирать потом будет труднее. Прошептал тихо и горько:

– Я же просил не ходить сюда – и не надо было ходить. Эх, Даша, Даша... Война ведь – штука не для женщин.

Вспомнил, сколько бесполезных попыток сделал, чтобы отменить глупый приказ комсомольского начальника. Жаль, что все впустую. Он скрипнул зубами. Кто-то обязательно должен отметить за это преступное распоряжение. Мягков до Москвы доберется, но обязательно отыщет виновного.

Ну где же бойцы с лошадей? Он выпрямился и, шурясь подбито, будто птица, подсеченная выстрелом, взгляделся в ночную темноту, которая уже переставала быть ночной – утро находилось совсем рядом, воздух сделался совсем другим. Даша застонала, она находилась без сознания.

Мягков поморщился: кто знает, может, ему было сейчас больнее, чем Даше, в груди, под сердцем, образовалась горячая пустота, начиненная опасной тяжестью, способной перекрыть все внутри и остановить дыхание, а следом остановить и сердце.

Комендант хорошо знал по фронту, как умирают люди, много оставил их на обочинах разных пыльных дорог. Одни погибали от ран, другие от брюшного тифа, от сыпняка и холеры, третьи от голода, от холода и страшной простудной горячки, четвертые не имели ни ран, ни

болезней, не замерзали в степи – они просто умирали от того, что остались одни. Таких на памяти Мягкова было несколько человек, и он сочувствовал им больше всех.

Ну где же эти двое нерасторопных бойцов с телегой?

Мягков сгорбился, подложил под грудную клетку кулак, словно бы хотел протиснуть внутрь самого себя боль, размять ее там, иначе, если он не освободится от боли, ни толку от него, ни проку, ни помощи никакой не будет. А он должен спасти Дашу, должен отдать ей часть своей жизни, вдохнуть, вживить в нее свои силы.

– Даша... Даша, – позвал он девушку, – ты слышишь меня?

Даша не отозвалась. Лицо ее, которое только что излучало слабый мерцающий свет, угасло. Мягков испугался того, что видел, просипел едва слышно, на последнем дыхании:

– Даша!

Собственного шепота не услышал, он растаял в нем самом... И тут, только тут Мягков понял, что Даши уже нет, она ушла...

Что-то яркое, ослепительное, возникло перед ним на мгновение, Мягков выдавил из себя хрип, сжал зубы. Услышал глубокий внутренний взрыд, сейчас рыдание вымахнет наружу, его не удержать... Он стиснул зубы сильнее.

Несколько минут Мягков сидел на корточках неподвижно, глядя на Дашино лицо, слыша песню нескольких лесных пичуг, а потом словно бы провалился в некую глухую яму – не видел уже ничего, как ничего и не слышал, и ни на что не реагировал.

К нему подходили бойцы, что-то спрашивали, но он не отвечал – не слышал их вопросов, кто-то даже притащил санитарную сумку, чтобы перевязать самого Мягкова, у которого на щеке была кровавая ссадина, но Мягков даже головы не поднял, и бойцы, бывалые люди, поняли, что с ним происходит, отступили от коменданта на несколько шагов.

Прошло еще немного времени, и Мягков очнулся, поднял голову. Той порой два бойца подогнали телегу, застеленную сеном.

– Товарищ комендант, извините, раньше никак не получалось, – подал робкий, сыро осекающийся голос один из бойцов. – На дороге убитые девчата лежат, пришлось убирать... Простите. Поехали, товарищ комендант!

– Куда? – Мягков поднял голову, взгляд его был невидящим. Он прикусил зубами дергающуюся нижнюю губу. – Поздно, ребята... Все. Все-е... – рыдающим шепотом произнес он. – Она умерла.

Летние ночи – короткие, как птичья трель, не успеешь оглянуться, как наступает рассвет, – вот уже небо подернулось легкой желтоватой рябью, немного приподнялось над землей, затем в ряби возникли, родившись почти из ничего, из нескольких диковинных пятен, длинные оранжевые полосы, пролегли от одного края неба до другого. Сделалось светлее.

– Как умерла? – запоздало, испуганно спросил один из бойцов.

– Очень просто... – Мягков ощутил, как у него дрогнули, но тут же успокоились губы, он уже мог владеть собою. – Как умирают люди? Вот так умерла и она.

– Простите, товарищ комендант... Жалко очень. Ей бы еще жить да жить, – голос у бойца дрогнул. На войне этот парень не был, о смерти знает только понаслышке, а сколько смертей, сколько погибших видел Мягков, столько молодой человек этот, надо полагать, не увидит в ближайшие тридцать лет. И вообще мировая революция защитит людей, не даст им убивать друг друга...

Аккуратно, словно бы боясь причинить Даше боль, Мягков поднял ее с земли, осторожно уложил на телегу. Сено в телеге было постелено свежее, душистое, сверху прикрыто брезентом. Это устраивало коменданта – Даше будет мягко ехать.

В глотке у него забренькало что-то глухое, сдавленное, Мягков, сопротивляясь самому себе, покрутил головой, произнес что-то невнятное и умолк.

Небо стремительно светлело, звезды гасли одна за другой, только некоторые, самые упрямые, продолжали еще жить, дразнились своими колючими лучами, хотя уже изрядно поблекли, потеряли свой первозданный цвет, – скоро сядут и они.

Поющих птиц сделалось больше, они пробуждались одна за другой и, вместо того, чтобы чистить свои перья, начинали петь. Только пение это вызывало у Мягкова горькую оторопь, от него стискивало затылок, сердце сжимало так, что в груди исчезало даже биение его, а перед глазами начинала мельтешить рябь.

Неожиданно неподалеку послышался уверенный, бархатистый, как у театрального певца голос, – по дороге шел высокий парень, наряженный в легкую парусиновую блузу с шелковым бантом на груди. Пышные каштановые волосы небрежно спадали по обе стороны головы, парень горделиво подхватывал их рукой и скидывал вверх.

Сопровождали парня два упитанных щекастых активиста с папками, засунутыми под мышки. Парень останавливался у очередной убитой девушки и с громким вздохом поправлял волосы на голове:

– Мария Кравцова, лучшая наша певунья, умела голосисто исполнять не только комсомольские песни, но и старинные русские... Машенька, мы отомстим за тебя, а ты спи спокойно...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.